

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СИСТЕМЪ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ,

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ:

ЗАМѢТКИ О КРЫМСКОЙ ВОИНѢ (*).

Въ апрѣльской книжкѣ «Военнаго Сборника» помѣщена статья г. Циммермана, подъ заглавіемъ «Замѣтки о Крымской воинѣ».

Статья эта есть сводъ различныхъ свѣдѣній, собранныхъ авторомъ, и плодъ его личныхъ впечатлѣній и убѣжденій.

Высказавъ въ предисловіи свой взглядъ на войну, полководцевъ и вообще военныхъ людей, а также свои идеи о гласности, авторъ излагаетъ потомъ краткій очеркъ главныхъ событій, происходившихъ въ Крыму, разбираетъ нѣсколько подробнѣе систему атаки и обороны, выводитъ заключеніе о Крымской компаніи, рассказываетъ о предположеніяхъ, которыя имѣли союзники въ случаѣ продолженія войны, на 1856 и 1857 года, и затѣмъ, въ приложенныхъ къ статьѣ примѣчаніяхъ, говоритъ о своемъ знакомствѣ съ нѣкоторыми лицами главныхъ штабовъ союзныхъ армій, а также дѣлаетъ нѣсколько замѣтокъ на сочиненіе Ніеля.

Пробывъ въ Севастополѣ вторую половину осады и исправляя должность помощника начальника штаба севастопольскаго

(*) См. «Военный Сборникъ» № 4, 1859 г.

гарнизона, авторъ имѣлъ возможность слышать и знать многое о происшедшемъ въ нашихъ и союзныхъ войскахъ, и нѣкоторыя изъ его замѣтокъ умѣстны и вполне справедливы. Что касается помѣщенныхъ въ статьѣ мнѣній, которыя составились въ главныхъ штабахъ союзныхъ армій о нашихъ дѣйствіяхъ и о способахъ обороны, и которыя г. Циммерманъ успѣлъ узнать, посѣщая по заключеніи мира лагерь союзниковъ, то эти мнѣнія, хотя не всегда основательны и безпристрастны, но во всякомъ случаѣ любопытны.

Отдѣльные эпизоды, помѣщенные въ «Замѣткахъ», какъ напр., описаніе въ Севастополѣ перевязочнаго пункта, предчувствія раненыхъ и т. п., обставлены весьма искусно, и живо представляютъ воображенію читателя картины этого памятнаго времени.

Вообще, можно сказать, что «Замѣтки» г. Циммермана читаются легко, и по содержанию своему представляютъ живой интересъ.

Но въ сочиненіяхъ, подобныхъ «Замѣткамъ», легкость и живость разсказа составляютъ лишь второстепенное условіе; перво-степенное же ихъ достоинство должно заключаться въ справедливости дѣлаемыхъ замѣчаній и въ точности приводимыхъ фактовъ.

Главною цѣлью «Замѣтокъ о Крымской войнѣ», какъ можно было бы думать по нѣкоторымъ словамъ автора, было желаніе высказать правду и выставить важнѣйшія событія, происходившія въ послѣднюю войну, въ новомъ, истинномъ свѣтѣ.

Такая высокая цѣль вполне достойна уваженія, и тотъ, кто успѣваетъ ее достигнуть, оказываетъ заслугу всему обществу и приноситъ пользу наукѣ. Въ особенности, когда предметъ сочиненія столь важенъ и обширенъ, какъ содержаніе «Замѣтокъ».

Въ настоящее время, при весьма ощутительномъ недостаткѣ разработанныхъ матеріаловъ, для вѣрной оцѣнки событій восточной войны, весьма важно бы было для cadaго получить вѣрный и ясный взглядъ на дѣйствія въ Крыму. А потому, мы съ большимъ вниманіемъ прочли «Замѣтки о Крымской войнѣ», стараясь найти въ нихъ желанную правду и вѣрный взглядъ, но внимательное чтеніе и строгое обсужденіе всего въ нихъ приведеннаго, убѣждаетъ насъ, что если авторъ и имѣлъ ту цѣль, которую мы въ немъ предполагали, то далеко не успѣлъ ее достигнуть.

Свѣдѣнія о столь замѣчательномъ времени, какимъ была послѣдняя война, тогда только могутъ имѣть важность и быть дѣйствительно полезными, когда они заимствованы изъ достовѣрныхъ источниковъ, сличены между собой и очищены критикой. Во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы источникъ подобныхъ свѣдѣній былъ указанъ. Судя по средствамъ, которыя авторъ имѣлъ для сбора данныхъ, можно было надѣяться, что приводимыя имъ свѣдѣнія, относительно точности, будутъ въ состояніи выдержать самую строгую критику, а между тѣмъ въ нихъ не только не исполнено ни одного изъ сказанныхъ условій, но весьма часто, приводя совершенно новыя данныя, авторъ не указываетъ даже источника, откуда они взяты (*).

Возрѣнія на событія и мнѣнія о вопросахъ, занимающихъ нынѣ военныхъ людей, тогда только заслуживаютъ довѣріе и приносятъ пользу наукѣ, когда основываются на достовѣрныхъ фактахъ и логически истекаютъ изъ приводимыхъ примѣровъ; ничего подобнаго, къ крайнему нашему удивленію, мы не нашли въ статьѣ г. Циммермана. Напротивъ, въ словахъ автора весьма часто встрѣчаются самыя странныя противорѣчія.

Правда, «Замѣтки» написаны съ большой увѣренностью, рѣзко отличающею эту статью отъ всего доселѣ читаннаго нами о Крымской войнѣ. Самые сложные, самые запутанные вопросы авторъ рѣшаетъ скоро и легко. О главныхъ, основныхъ началахъ устройства армій, о выгоднѣйшихъ способахъ атаки и обороны, въ статьѣ говорится такимъ тономъ и съ такимъ убѣжденіемъ, которые не допускаютъ въ авторѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ непогрѣшимости собственныхъ сужденій, и заставляютъ предполагать въ немъ необыкновенную боевую опытность. Если бы вполнѣдствіи которому либо изъ главнокомандовавшихъ вздума-

(*) Такъ, напр., авторъ говоритъ: «Подъ Альмой у союзниковъ было всего до 45 т. человекъ, изъ которыхъ въ дѣлѣ участвовало только 35, и никакъ не болѣе 40 т.». Показанія автора несогласны ни съ цифрами писавшихъ объ Альскомъ сраженіи на русскомъ языкѣ, ни съ цифрой, показанной въ сочиненіи Ніеля (*Siège de Sebastopol*, p. 27), который число союзныхъ войскъ опредѣляетъ въ 55 т. Выставляя совершенно новую цифру, столь много разнящуюся отъ прежнихъ, авторъ, для убѣжденія въ достовѣрности ея, ограничивается выраженіемъ сомнѣнія къ цифрамъ Ніеля. Нѣтъ причинъ думать, чтобы Ніель увеличилъ число союзниковъ подъ Альмой, но во всякомъ случаѣ, одно сомнѣніе въ достовѣрности его цифры не даетъ еще убѣжденія въ точности цифръ г. Циммермана.

лось написать свои замѣтки о Крымской войнѣ, то онъ не будетъ уже имѣть возможности говорить съ большей увѣренностью.

Въ военной литературѣ есть нѣсколько сочиненій, которыхъ главное достоинство составляютъ высказанныя въ нихъ мысли и мнѣнія о военномъ дѣлѣ, и гдѣ часто основаніемъ мнѣній служатъ также одно лишь личное убѣжденіе авторовъ. Таковы, напр., «Записки Наполеона на островѣ Св. Елены», записки нѣкоторыхъ его маршаловъ, и извѣстное сочиненіе Жюмани «Жизнь Наполеона». Не всѣ мнѣнія и въ этихъ сочиненіяхъ составляютъ непреложныя истины. Но во всякомъ случаѣ, дѣятельность составителей подобныхъ записокъ, не говоря уже про Наполеона, была извѣстна какъ всей французской арміи, такъ и всѣмъ военнымъ людямъ, знакомымъ съ военной исторіею.

Если жег. Циммерманъ думалъ подражать симъ сочиненіямъ, то ему слѣдовало бы по крайней мѣрѣ самому познакомиться поблику со всѣми совершенными имъ походами и тѣмъ участіемъ, какое случалось ему принимать въ военныхъ дѣйствіяхъ. Безъ такихъ указаній не каждый читатель можетъ знать, какую степень довѣрія заслуживаютъ личныя убѣжденія автора и его боевая опытность.

Само собою разумѣется, что никто не будетъ возражать автору, когда онъ говоритъ: *что война не есть благотворительное дѣло, что на нее не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на коммерческое предпріятіе, или на какое либо благотворительное учрежденіе;* или, когда онъ повторяетъ давно извѣстныя мысли о недостаткахъ, существовавшихъ въ нашей арміи во время Крымской войны; но тамъ, гдѣ авторъ высказываетъ новое рѣзкое сужденіе о происходившемъ, не основывая его на достовѣрномъ фактѣ, или ссылается на такіе авторитеты, которые могли быть и небезпристрастные, одного личнаго убѣжденія г. Циммермана и его увѣренности намъ кажется недостаточнымъ.

Мы надѣемся, что авторъ «Замѣтокъ о Крымской войнѣ» не произнесетъ рѣзкаго сужденія о насъ за то, что мы позволимъ себѣ высказать, въ чемъ мы съ нимъ не согласны, и будемъ просить его разъяснить намъ то, чего не понимаемъ въ его статьѣ.

Въ «Замѣткахъ», на стр. 400, говорится: «Заранѣе отказываемся отъ полемики по поводу восточной войны съ военными, не бывшими не только въ послѣдней войнѣ, но и вообще ни въ какихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Мы не примемъ ихъ авторитета въ военномъ дѣлѣ. Трудно спорить съ человѣкомъ, имѣющимъ лишь

теоретическія свѣдѣнія о такомъ дѣлѣ, въ которомъ важнѣе всего практика».

Противу этого замѣчанія поспѣшимъ сказать, что хотя мы не имѣемъ претензій на ту опытность и увѣренность, какими обладаетъ авторъ «Замѣтокъ», но во всякомъ случаѣ, такъ какъ жѣстомъ службы нашей были Камчатскій редутъ и Малаховъ курганъ, то согласно собственныхъ словъ автора, мы имѣемъ право дѣлать ему возраженія.

Впрочемъ, съ послѣднимъ замѣчаніемъ и съ другими идеями о гласности г. Циммермана, мы вообще не совсѣмъ согласны. Намъ кажется, что нѣтъ никакой надобности указывать кому бы то ни было, о чемъ онъ долженъ писать, и публикуя какуюнибудь статью, ограничивать число своихъ противниковъ извѣстнымъ кругомъ военныхъ или невоенныхъ людей. По нашему убѣжденію, всякая мысль, всякое возраженіе, хотя бы и не совсѣмъ правильное, вызывая объясненіе, будетъ способствовать развитію истины. Крымская же война представляетъ такъ много важныхъ событій и заключаетъ въ себѣ такъ много новыхъ основаній для тактики, и вообще для военнаго дѣла, что полное разъясненіе всего происходившаго въ ней весьма необходимо.

Мы не будемъ, однако, употреблять во зло дозволеніе автора дѣлать ему возраженія: чтобы не впасть въ ошибки, рѣшаясь говорить обо всемъ, мы ограничимся только тѣмъ предметомъ, съ которымъ успѣли ближе ознакомиться, и разберемъ главныя сужденія «Замѣтокъ» относительно военно-инженернаго дѣла.

Очень можетъ быть, что желая сказать истину, мы въ свою очередь впадемъ въ ошибки, а потому будемъ просить *всѣхъ военныхъ и невоенныхъ* замѣтить намъ то, что они найдутъ несправедливымъ, и не сочтемъ за стыдъ сознаться, если сдѣланныя намъ возраженія убѣдятъ насъ, что мы ошибались.

Въ «Замѣткахъ о Крымской войнѣ» заключаются два сужденія относительно инженерныхъ распоряженій севастопольской обороны: *объ устройствѣ въ большомъ размѣрѣ контръ-апрошъ и о сомкнутии горжами главныхъ севастопольскихъ укрѣпленій.*

Въ сужденіяхъ о контръ-апрошахъ авторъ выказываетъ нѣкоторую снисходительность. Онъ допускаетъ даже, что тѣ

контръ-апроши, которыя устраивали въ видѣ отдѣльныхъ ложементовъ, были въ нѣкоторой степени полезны, но ложементы, соединенные въ общія траншеи, находятъ даже вредными и вообще осуждаетъ большое развитіе подъ Севастополемъ контръ-апрошныхъ работъ. Что же касается горжъ, то авторъ признаетъ расположеніе ихъ совершенно ошибочнымъ. Онъ не только не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что единственною причиною паденія Малахова кургана была построенная въ тылу его горжа, но совершенно увѣренъ, что главною причиною неудачныхъ атакъ союзниковъ на прочіе пункты, 27-го августа, было неимѣніе въ нихъ горжъ.

Мы не будемъ входить въ обзоръ всей вообще дѣятельности военныхъ инженеровъ подъ Севастополемъ, что конечно и не могло быть цѣлю нашей журнальной статьи. Обзоръ этотъ составляетъ предметъ сочиненія «Описаніе обороны Севастополя», которое нынѣ исполняется подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Тотлебена. Мы же, согласно принятому намѣренію, ограничимся разборомъ сужденій автора о двухъ означенныхъ предметахъ, т.е. о распоряженіяхъ по устройству контръ-апрошъ и горжъ, при чемъ постараемся разъяснить дѣйствительныя соображенія, которыми руководился въ своихъ распоряженіяхъ осажденный, а также разберемъ и самыя послѣдствія сдѣланныхъ имъ распоряженій.

Незнаемъ, успѣемъ ли убѣдить читателя, что военные инженеры наши и сами не трудились и не заставляли работать войска — въ пользу непріятеля, какъ это старается доказать авторъ «Замѣтокъ». Но во всякомъ случаѣ надѣемся, что мы разъяснимъ систему севастопольской обороны и постараемся представить ее въ томъ видѣ, въ какомъ она была на самомъ дѣлѣ, а не такъ, какъ по своему произволу объясняетъ ее г. Циммерманъ.

При этомъ, чтобы не дать повода обвинять насъ въ неправильномъ истолкованіи чужихъ мыслей, мы примемъ за постоянное правило, сперва приводить собственныя слова автора, а потомъ высказывать наши возраженія.

Разсказавъ свой взглядъ на событія, со времени высадки до начала весны, и найдя почему-то, что начало апрѣля было «самымъ благопріятнымъ моментомъ для обороны», авторъ вслѣдъ за тѣмъ (стр. 417) говоритъ: «Непріятельскіе главнокомандующіе не знали что дѣлать; часто происходили военные

свѣты, въ которыхъ было разногласіе, атаковать Макензіеву позицію опасались, и основательно. Высадку гдѣ нибудь въ другомъ пунктѣ считали раздробленіемъ силъ. Но въ это время начались дѣйствія въ ложементахъ и траншеяхъ передъ верками Городской стороны, которыя и послужили отчасти въ пользу непріятеля».

Мы во многомъ не раздѣляемъ взглядъ автора на ходъ событій. Не согласны, или по крайней мѣрѣ не понимаемъ, также, почему авторъ находитъ, что начало апрѣля было самымъ благоприятнымъ моментомъ для обороны. Если бы даже и было справедливо, что союзники, успѣвъ сосредоточить передъ Севастополемъ къ веснѣ 1855 года превосходное число войскъ и запасовъ, недоумѣвали что съ ними сдѣлать, какъ утверждаетъ г. Циммерманъ, то это могло бы быть затрудненіемъ избытка, а не тѣми затрудненіями, которыя въ это именно время съ каждымъ днемъ дѣлались для осажденнаго болѣе и болѣе ощутительны.

Непріятельскія батареи усиливаясь и, приближаясь къ нашимъ веркамъ, дѣйствовали все съ болѣею и болѣею разрушительной силой, а наши боевые запасы истощались. Траншеи Французовъ въ началѣ апрѣля находились въ 32 саж. отъ 4-го бастіона, слѣдовательно, даже для открытаго штурма въ это время имъ пришлось бы пройти подъ огнемъ весьма малое пространство. Существуетъ мнѣніе, что если бы Французы не перевели своей главной атаки на Малаховъ курганъ, то не смотря на всѣ усилія, какія могли быть противопоставлены съ нашей стороны, союзники успѣли бы овладѣть Севастополемъ гораздо ранѣе. Справедливо это мнѣніе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ близость непріятельскихъ подступовъ, усиленіе его батарей, увеличеніе числа войскъ и боевыхъ запасовъ у непріятеля не были обстоятельствами, благоприятными для осажденнаго, и мы рѣшительно не понимаемъ, какъ связать мысли автора о благоприятности для осажденнаго начало апрѣля 1855 года, съ его же мыслями о положеніи Севастополя въ ноябрѣ и декабрѣ 1854 года, когда и по словамъ «Замѣтокъ» всѣ обстоятельства для насъ были гораздо благоприятнѣе.

Правда, число нашихъ войскъ въ Севастополѣ къ апрѣлю увеличилось, но разницы въ относительной цифрѣ съ усилившимся къ тому же времени непріятелемъ не было болѣею, а между тѣмъ, одна изъ главныхъ причинъ нашихъ неудачъ, не-

достатокъ нарѣзнаго оружія, оставался въ прежней силѣ, и потому въроятности на успѣхъ въ полѣ было также мало, какъ и прежде.

Впрочемъ, слѣдуя принятому нами намѣренію подробно разобратъ лишь главныя сужденія автора относительно военно-инженернаго дѣла, мы въ приведенной выпискѣ «Замѣтокъ», положительно возстаемъ только противу словъ, что дѣйствія въ ложементяхъ начались въ апрѣлѣ 1855 года.

Война въ ложементяхъ и траншеяхъ, какъ передъ верками Городской, такъ и передъ верками Корабельной стороны, происходившая въ апрѣлѣ и маѣ, была продолженіемъ системы обороны помощію контръ-апрошъ и началась съ заложеніемъ перваго контръ-апрошнаго ложемента. Этотъ ложементъ былъ устроенъ въ ночь съ 20-го на 21-е ноября 1854 года, въ 150 саженьяхъ впереди редута Шварца, на террасѣ надъ городскимъ оврагомъ (*).

Въ слѣдующую ночь закладывались ложементы вправо отъ перваго, вдоль оврага, который раздѣлялъ нашу оборонительную линію отъ кладбищенской высоты; затѣмъ были устроены ложементы на высотѣ у кладбища, впереди 5-го бастиона и у Карантинной бухты, впереди 6-го бастиона. Ложементы эти тотчасъ же вызвали нападенія со стороны непріятеля, противу которыхъ съ нашей стороны припимаемы были мѣры для отраженія; а потому за начало войны въ ложементяхъ и траншеяхъ долженъ быть принятъ ноябрь, а не апрѣлѣ, какъ это полагаетъ авторъ «Замѣтокъ».

Далѣе, на стр. 417, высказавъ свое мнѣніе, что наши контръ-апроши послужили въ пользу непріятеля, авторъ говоритъ:

«Здѣсь мѣсто изложить и объяснить систему ложементовъ и передовыхъ траншей, которая играла такую важную роль при оборонѣ Севастополя. Она возникла исподволь и принимала все большіе и большіе размѣры.

«Сначала ложементовъ этихъ было немного устроено и они служили для прикрытія охотниковъ, которыхъ ночью посылали

(*) Для ясности сказаннаго нами о системѣ севастопольской обороны, мы бы весьма желали приложить подробный чертежъ всѣхъ оборонительныхъ работъ. Но затрудненіе въ составленіи и изданіи подобнаго чертежа, при журнальной статьѣ, вынуждаютъ насъ просить тѣхъ, кому угодно будетъ ближе ознакомиться съ Севастополемъ, обратиться къ атласу, изданному при сочиненіи генерала Неля (*Siege de Sebastopol*).

туда въ небольшомъ числѣ; это былъ родъ аванпостовъ; днемъ сидѣли тамъ штуцерные. Если ночью замѣтно становилось, что непріятель работаетъ въ своихъ траншеяхъ, то изъ ложементовъ открывали по работамъ ружейный огонь. Если непріятель бросался на ложементы въ значительныхъ силахъ, то приказано было людямъ изъ нихъ сейчасъ уходить; по ложементамъ же тогда открывался картечный огонь изъ орудій, которыя предварительно были направлены для обстрѣливанія внутренности ложементовъ и промежутковъ между ними. Такимъ образомъ ложементы эти существовали въ продолженіе зимы и приносили пользу. Занятіе ихъ было сопряжено съ потерями; иногда случалось, что непріятельская бомба или граната попадала въ самый ложементъ и разрывомъ своимъ перебивъ или переранивъ нѣсколько человекъ, оставляла остальныхъ 5 или 6 въ положеніи тягостномъ, потому что они не могли вынести своихъ убитыхъ и раненыхъ и должны были ожидать для того ночи. Однимъ словомъ, ложементы днемъ не имѣли сообщенія съ нашими укрѣпленіями. Это еще было сносно зимою, когда дни коротки, но съ наступленіемъ весеннихъ дней, болѣе и болѣе выказывалась трудность положенія людей, посылаемыхъ въ ложементы на день. Тогда возникла идея соединить ложементы въ одну или двѣ общихъ траншеи, а эти траншеи соединить траншеею же съ верками, такимъ образомъ, чтобы можно было во всякое время выносить оттуда раненыхъ, посылать подкрѣпленія или смѣнять находящихся тамъ людей. Но система эта имѣла свои неудобства. Траншея не есть укрѣпленіе, не имѣетъ ни рва, ни бруствера и не вооружена артиллеріею, непріятелю вскочить въ нее не трудно, потому что она находится въ недалекомъ разстояніи отъ его апрошей; съ другой стороны, если непріятель ночью атаковалъ траншею, то она заслонитъ огонь нашихъ верковъ, изъ которыхъ нельзя свободно дѣйствовать артиллеріею потому, что наши люди впереди и наконецъ непріятель, преслѣдуя людей, выбитыхъ имъ изъ траншеи, можетъ по пятамъ ихъ ворваться въ укрѣпленіе; послѣднее, конечно, затруднительно. Но нельзя не сказать, что таковыя траншеи могутъ облегчить непріятелю его подступы, потому что онъ, занявъ ихъ, передѣлаетъ удобно въ свои и такимъ образомъ перешагнетъ разомъ пространство во сто и болѣе сажень, на которомъ вести апроши обыкновеннымъ способомъ пришлось бы долго и дорого бы стоило».

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ словъ автора показываютъ, какъ недостаточно разъясняетъ онъ самыя начальныя понятія о военно-инженерныхъ постройкахъ. Такъ, напримѣръ, авторъ говоритъ, что траншея не имѣетъ бруствера, — сужденіе, съ которымъ вѣроятно никто не согласится, — и что траншея не есть укрѣпленіе. Мы видимъ, однако, что при всякой осадѣ, атакующій приближается къ крѣпости и постепенно занимаетъ впереди ея лежащую мѣстность траншеями и что траншеи составляютъ единственное его прикрытіе, съ помощію котораго онъ отбиваетъ всѣ нападенія обороняющаго.

Если же траншеи даютъ осаждающему возможность защищать занимаемую имъ мѣстность, то постройки эти нельзя не признать укрѣпленіями, точно также какъ нельзя не признать укрѣпленіями кавказскіе завалы, за которыми иногда такъ упорно держатся горцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы замѣтимъ, что если атакующій извлекаетъ столько пользы изъ построекъ, которыя по словамъ г. Циммермана *не имѣютъ ни рва, ни бруствера*, то почему же осажденному не воспользоваться такими же траншеями, когда онъ имѣетъ возможность фланкировать ихъ сильною артиллеріею своихъ верковъ, подобно тому, какъ атакующій фланкируетъ свои траншеи съ осадныхъ батарей.

Кромѣ неточнаго объясненія военно-инженерныхъ построекъ, изъ собственныхъ же словъ автора видно, что онъ и самъ въ продолженіи статьи неоднократно измѣняетъ свои мысли объ одномъ и томъ же предметѣ. Такъ авторъ дѣлаетъ замѣтку, на стр. 418, что *траншеи не вооружаются артиллеріею*, а на стр. 419, рассказывая о дѣлѣ 19 апрѣля, говоритъ: «траншеи съ 9 ручными мортирами были взяты Французами».

Здѣсь мы считаемъ нужнымъ сказать еще, что въ Севастополѣ много было случаевъ, въ которыхъ изъ контръ-апрошныхъ траншей дѣйствовали горными орудіями, и что вообще если осаждающій, кромѣ осадныхъ батарей, для отраженія вылазокъ вооружаетъ свои траншеи и полевыми орудіями, то нѣтъ причинъ, почему бы и осажденный не могъ вооружать своихъ траншей полевой артиллеріею.

Не менѣе страненъ методъ, придуманный авторомъ, для опредѣленія выгодъ различныхъ способовъ обороны, посредствомъ опредѣленія потери за нѣсколько послѣдующихъ дней. Желая ясіѣе доказать вредъ контръ-апрошъ, авторъ, на стр. 422, говоритъ:

«Потеря наша въ ночь на 11 мая была 2,821 человекъ убитыхъ и раненыхъ, а ночью на 12 мая, когда въ передовыя траншеи посланы были только два баталіона, которые сейчасъ и отступили при появленіи значительныхъ непріятельскихъ силъ, по которымъ и открытъ сильный артиллерійскій огонь—415 человекъ; на третью же сутки, когда съ нашей стороны оставили это предпріятіе, а только по распоряженію генерала Семякина производимъ былъ всю ночь картечный огонь по Французамъ, работавшимъ во взятыхъ ими траншеяхъ, только 88 человекъ. У Французовъ, въ 1-ю ночь 2,000 человекъ, во 2-ю ночь 600 человекъ, въ 3-ю ночь около 300 человекъ, отъ одного только артиллерійскаго огня. Изъ сравненія обоюдныхъ потерь видно, что непріятель въ траншейныхъ дѣлахъ и вылазкахъ терялъ меньше, чѣмъ Русскіе; принужденный же работать въ траншеяхъ подѣ губительнымъ огнемъ нашихъ верковъ, онъ терялъ много тогда, какъ наша потеря при этомъ была сравнительно меньше; причина чему и очевидна».

Мы имѣли уже случай замѣтить, что цифры, приводимыя авторомъ, не всегда точны. Тоже повторяется и здѣсь. Опредѣляя потерю Французовъ въ продолженіе 3-ей ночи, отъ одного артиллерійскаго огня съ Городской стороны, въ 300 человекъ, авторъ дѣлаетъ замѣчаніе, что эту цифру онъ слышалъ отъ французскихъ офицеровъ, и что она *немножко* разнится отъ цифры, показанной въ сочиненіи Ніеля. Но на самомъ дѣлѣ цифра эта превосходитъ цифру Ніеля, болѣе чѣмъ *впятеро*, потому что у Ніеля вся потеря Французовъ, въ траншеяхъ Городской и Корабельной стороны, показана въ 68 человекъ (*).

Впрочемъ, въ приводимыхъ словахъ, насъ не столько поражаетъ неточность цифръ, сколько придуманный авторомъ методъ опредѣлять выгоды различныхъ способовъ обороны опредѣленіемъ потери за нѣсколько послѣдующихъ дней. Какъ видно, авторъ не допускаетъ и мысли о томъ, что въ осадѣ весьма часто бывають случаи, когда осаждающій, нѣкоторое время охотно будетъ терпѣть большую потерю для того, чтобы овладѣть какимъ нибудь пунктомъ, или устройтъ на выгодномъ мѣстѣ батарею, съ избыткомъ вознаградить эту потерю въ послѣдствіи.

(* *Siège de Sebastopol*, p. 519.

Принятый авторомъ методъ совершенно сходенъ съ тѣмъ, когда изыскивая способы, какъ слѣдуетъ защищать позицію, ктонибудь вздумалъ бы основывать свои выводы исключительно на потеряхъ, которыя войска обороняющаго терпятъ отъ войскъ наступающаго, при перестрѣлкѣ съ дальняго разстоянія, при стрѣльбѣ съ ближняго и при атакѣ холоднымъ оружіемъ. Такъ какъ по мѣрѣ приближенія атакующаго потери обороняющаго неизбежно увеличиваются, то выводъ, къ которому привелъ бы такой методъ, состоялъ бы въ томъ, что во избѣжаніе сильныхъ потерь обороняющему нигдѣ и никогда не слѣдуетъ держаться упорно, а должно сколь возможно быстрѣе уходить.

Теперь постараемся объяснить главныя основанія севастопольской обороны, и тѣ дѣйствительныя причины, которыя побудили осажденныхъ обратиться къ контръ-апрошамъ, и употреблять ихъ, какъ въ видѣ отдѣльныхъ ложементовъ, такъ равно и въ видѣ сплошныхъ траншей.

Построенныя въ минуту необходимости, въ виду непріятеля и въ короткое время, севастопольскія укрѣпленія, конечно, не были и не могли быть такъ сильны, какъ верки какойнибудь крѣпости, устраиваемые по правиламъ долговременной фортификаціи. Они не имѣли ни глубокихъ рововъ, ни каменнаго эскарпа, ни гласиса, не позволяющихъ произвести обвалъ въ крѣпостной оградѣ съ дальняго разстоянія и принуждающихъ атакующаго вести правильную осаду. За исключеніемъ приморскихъ батарей Павловской, Николаевской и Александровской, построенныхъ у самой бухты, далеко сзади оборонительной линіи, въ Севастополѣ не было безопасныхъ отъ бомбъ помѣщеній. Небольшія оборонительныя казармы, находившіяся въ горжахъ 1-го, 5-го и 6-го бастионовъ, хотя доставляли закрытіе нѣкоторой, и при томъ весьма малой, части гарнизона самыхъ бастионовъ, но подобное закрытіе было крайне ненадежное, ибо казармы эти были открыты для прицѣльныхъ выстрѣловъ, и съ перваго же бомбардированія сильно повреждены. Въ послѣдствіи, осажденные настойчиво преодолевая всѣ затрудненія и принося весьма большія жертвы, успѣли построить довольно значительное число блиндажей, но и этихъ блиндажей едва доставало для артиллерійской прислуги и для $\frac{1}{5}$ части гарнизона; для остальныхъ же войскъ, составлявшихъ гарнизонъ, и для всѣхъ резервовъ вовсе не было безопасныхъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ помѣщеній.

При подобныхъ условіяхъ, быстрое приближеніе непріятельскихъ подступовъ было для севастопольскихъ укрѣпленій еще болѣе опасно, нежели обыкновенно бываетъ это приближеніе къ осажденной крѣпости. Не говоря уже про несравненно большія потери отъ навѣснаго огня, происходившія въ слѣдствіе недостатка въ Севастополѣ безопасныхъ отъ огня помѣщеній, непріятель, дѣйствуя своими батареями даже съ разстоянія 200 саж. и болѣе, имѣлъ полную возможность сбить нашу артиллерію, и за тѣмъ, мѣткими выстрѣлами своихъ орудій большаго калибра, срыть и самые бруствера въ укрѣпленіяхъ, занимавшихъ главные пункты позиціи. Невысокіе бруствера эти, отъ 7 до 12 ф. высоты, наскоро посыпанные, преимущественно зимой, изъ мерзлой земли, конечно, не могли представлять такой же силы сопротивленія, какъ улежавшіеся валы крѣпостей, гдѣ при обыкновенной высотѣ бруствера въ 25 фут. и по срытіи его остается валгангъ въ 18 фут., за которымъ еще могутъ располагаться войска совершенно закрыто отъ прицѣльныхъ выстрѣловъ. Въ севастопольскихъ же укрѣпленіяхъ, по срытіи бруствера, не оставалось бы никакого прикрытія, и слѣдовательно не было бы никакой возможности держать въ нихъ долѣе защищавшія ихъ войска. Сверхъ того, кромѣ сильной профили брустверовъ, долговременныя укрѣпленія имѣютъ широкіе и глубокіе рвы, съ отвѣсными эскарпами и контръ-эскарпами, обстрѣливаемые большею частію изъ казематовъ, и которые потому сами по себѣ уже представляютъ весьма трудно преодолимое препятствіе для штурма. Ничего подобнаго не могли представить для атакующаго неглубокіе рвы севастопольскихъ укрѣпленій, имѣвшіе отъ 1½ до 3 саж. ширины и отъ 6 до 11 ф. глубины, и которые при каждомъ бомбардированіи были до половины заваливаемы землей осыпавшихся брустверовъ.

Чтобы сколь возможно болѣе замедлить приближеніе непріятельскихъ подступовъ, осажденные обратились во-первыхъ къ огромнымъ запасамъ орудій, находившимся въ Севастополѣ, и поставили на оборонительную линію такое число артиллеріи, какимъ, конечно, никогда и нигдѣ не бывали вооружены укрѣпленія, и во-вторыхъ, прибѣгнули къ оборонѣ помощью контръ-апрошъ или другими словами — къ наступательной оборонѣ.

Такая система обороны, какъ нельзя болѣе согласовалась и съ духомъ войскъ. Умирая на банкетахъ, безъ надежды остановить непріятеля, и отплатить ему за понесенныя потери, солда-

ты горѣли желаніемъ сразиться; но недостатки въ вооруженіи войскъ и другія обстоятельства, давали мало вѣроятности наудачу въ полѣ, и возможность уравновѣсить борьбу представляла лишь контръ-апрошная война или война *въ ложементѣхъ и траншеяхъ*, о которой съ такой пронику отозвался авторъ «Замѣтокъ».

Въ первое время севастопольской обороны, когда прежде всего необходимо было усилить наскоро построенныя укрѣпленія, а число рабочихъ рукъ было весьма ограничено, нельзя было и думать о контръ-апрошахъ. Когда же укрѣпленія были достаточно усилены, рабочія средства увеличились, а надежда на успѣхъ въ полѣ еще болѣе уменьшилась, тогда обратились къ контръ-апрошамъ, и сначала стали устраивать ихъ въ видѣ отдѣльныхъ ложементовъ. Первые ложементы, какъ мы видѣли, были заложены во второй половинѣ ноября 1854 года.

Соображенія, по которымъ прибѣгнули къ устройству ложементовъ, кромѣ возможности затруднять работы осаждающаго ближайшимъ ружейнымъ огнемъ, заключались въ слѣдующемъ:

Опытомъ многихъ осадъ дознано, что огонь съ крѣпостныхъ верховъ, какъ ружейный, такъ и артиллерійскій, наноситъ наибольшій вредъ атакующему не въ то время, когда атакующій успѣлъ принять мѣры для обезпеченія своихъ рабочихъ, когда послѣдніе приступили къ работѣ и прикрылись турами, но когда рабочіе непріятеля выстраиваются по трассированной линіи, потому тогда стрѣльбою, даже не совсѣмъ мѣткою, легко привести ихъ въ замѣшательство и разогнать.

Въ ночное время, когда обыкновенно со стороны осаждающихъ начинаются работы, уловить этотъ выгоднѣйшій для стрѣльбы моментъ изъ-за главной ограды рѣшительно невозможно, особенно на значительномъ разстояніи, а потому легко можетъ случиться, что какъ ружейная, такъ и артиллерійская пальба, опоздають. Невозможность уловить этотъ выгодный для стрѣльбы моментъ составляетъ одну изъ главныхъ причинъ, почему во всѣхъ почти осадахъ, пространство отъ 1-й до 3-й параллели, осаждающій проходилъ весьма скоро, и что своевременная, особенно ночная пальба и упорная оборона начинались только съ 3-й параллели. При долговременной профили укрѣпленій, и одинъ этотъ послѣдній періодъ осады можетъ представлять для атакующаго весьма большія затрудненія. Но при такихъ укрѣпленіяхъ, каковы были въ Севастополѣ, если бы до-

пустить непріятеля на столь близкое разстояніе, то все было бы потеряно. Правда, что и здѣсь контръ-минами можно было бы до нѣкоторой степени задержать непріятеля, но однѣ мины все-таки не могли бы вполне вознаградить слабости профилей; притомъ, расположить контръ-минныя галлерей впереди всѣхъ пунктовъ оборонительной линіи, которые могутъ быть угрожаемы атакою, едва ли было бы возможно.

Въ подобныхъ случаяхъ, особенно важно и даже необходимо заставлять непріятеля, и на большомъ отъ крѣпости разстояніи, подвигаться своими траншеями какъ можно осторожнѣе и медленнѣе, и удерживать его въ большемъ отъ оборонительной линіи удаленіи сколь возможно долгое время. Достигнуть этого возможно только посредствомъ контръ-апрощъ.

Чтобы слѣдя внимательно, и съ близкаго разстояніи, за каждымъ шагомъ атакующаго, направлять противу него своевременный огонь, нужно располагать передовые ложементы. Размѣщенные въ этихъ ложементахъ стрѣлки должны наблюдать за непріятелемъ, и замѣчая сборъ для начатія работъ, или передвиженія въ его войскахъ, тотчасъ же давать о томъ знать въ крѣпость, откуда немедленно открывается артиллерійскій огонь по указанному направленію. Стрѣлки изъ ложементовъ, лежащихъ по направленію выстрѣловъ того верка, который долженъ дѣйствовать, раздаются вправо и влѣво, и отойдя въ сосѣдніе ложементы, вмѣстѣ съ ними открываютъ ружейный огонь. Своевременно открытый изъ-за главной ограды артиллерійскій огонь, вмѣстѣ съ ружейнымъ изъ ложементовъ, если не заставитъ непріятеля совершенно отказаться отъ заложенія новой траншеи, то во всякомъ случаѣ чрезвычайно замедлитъ его работы.

Для доказательства приведемъ слѣдующіе примѣры. Передъ 4-мъ бастіономъ, гдѣ въ началѣ осады не успѣли заложить ложементовъ, Французы, находясь 6-го октября 1854 года въ разстояніи 309 (*) саж. отъ рва бастіона, къ 21-му октября были отъ него уже только въ 65 саженьяхъ; слѣдовательно, прошли впередъ въ 15 дней 244 сажени, т. е. слишкомъ по 16 сажень въ сутки, не смотря на то, что на этомъ пунктѣ наша артиллерія была тогда очень сильна и поддерживала по ночамъ довольно учащенную пальбу.

(*) Цифры эти, а равно и послѣдующія взяты съ чертежей, принадлежащихъ къ сочиненію Ніеля (планъ II *dit* и XIII).

Впослѣдствіи же, противъ тѣхъ укрѣпленій, которыя имѣли впереди себя ложементы, атакующій шелъ несравненно медленнѣе.

Возьмемъ для примѣра ложементы, находившіеся впереди Волинскаго и Селенгинскаго редутовъ. Они обстрѣливали Килень-балку и всѣ изломы мѣстности между этимъ оврагомъ и Георгіевской балкой. Въ началѣ заложения Селенгинскаго и Волинскаго редутовъ, 10 и 13 февраля 1855 года, непріятельская передовая траншея (1-я параллель) отстояла отъ Волинскаго редута на 285 сажень. Съ этого времени до 26 мая непріятель, усиливъ здѣсь свою артиллерію, не могъ подойти къ редуту ближе какъ на 142 сажени; слѣдовательно, успѣлъ пройти впередъ въ продолженіи 3 $\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ только 143 сажени, т. е. проходилъ въ сутки около 1 $\frac{1}{3}$ сажени. Быть можетъ намъ скажутъ, что на медленность веденія непріятельскихъ подступовъ имѣла вліяніе артиллерія, вооружавшая Селенгинскій и Волинскій редуты? Но орудія, въ нихъ расположенныя, имѣя противъ себя превосходную числомъ и калибромъ непріятельскую артиллерію, съ трудомъ могли противостоятъ дѣйствовавшимъ противу нихъ батареямъ, и то лишь въ первое время. Въ послѣдніе же два мѣсяца, т. е. въ апрѣлѣ и въ маѣ, артиллерія редутовъ должна была почти постоянно молчать. Превосходство непріятельской артиллеріи и въ особенности дѣйствіе навѣснаго огня были таковы, что при всѣхъ усиліяхъ съ нашей стороны, мы въ продолженіе всей ночи едва успѣвали исправлять поврежденія и ставить орудія лишь въ нѣсколькихъ амбразурахъ, но и тѣ, послѣ 2-хъ или 3-хъ часовъ стрѣльбы, обыкновенно должны были прекращать свой огонь; а потому, вліяніе нашей артиллеріи на медленность веденія непріятельскихъ подступовъ было ничтожно.

Въ «Замѣткахъ» сказано, что «занятіе ложементовъ въ Севастополѣ было сопряжено съ потерями, и что если непріятельская бомба или граната, попавъ въ продолженіи дня въ ложементъ, поражала нѣсколькихъ человекъ, то остальные находились въ положеніи тягостномъ, потому что не могли тотчасъ вынести своихъ убитыхъ и раненыхъ, а должны были ожидать для того ночи». Послѣднее обстоятельство по мнѣнію автора было одною изъ главныхъ причинъ, почему нашли необходимымъ отдѣльные ложементы соединять въ общія траншеи.

Противу перваго мы замѣтимъ, что по своей малой профили и незначительной ширинѣ, ложементы представляли слишкомъ

малую цѣль для артиллерійскаго огня, и разрывъ въ нихъ бомбъ или граватъ случался весьма рѣдко; а отъ ружейнаго огня люди въ ложементяхъ были достаточно прикрыты, а потому расположеніе въ нихъ войскъ вовсе не было сопряжено съ большими потерями. Само собою разумѣется, что вполнѣ и отъ всякой потери ложементы необезпечивали, но къ сожалѣнію до сихъ поръ еще непридуманно такого землянаго укрѣпленія, которое бы расположенныхъ въ немъ людей предохраняло отъ всѣхъ опасностей.

Что же касается невозможности помочь раненымъ, то въ Севастополѣ, не въ однихъ ложементяхъ, раненые оставались по нѣсколько часовъ безъ помощи. Во время усиленныхъ бомбардированій или послѣ большихъ сраженій бывали случаи, когда не нѣсколько человѣкъ оставалось по восьми и десяти часовъ безъ перевязки, но сотни людей находились въ такомъ же положеніи. На Малаховомъ курганѣ, 5 бастіонѣ и другихъ пунктахъ, во время послѣдняго бомбардированія, предшествовавшаго штурму 27 августа, раненыхъ весьма часто уносили съ бастіона на перевозочный пунктъ только тогда, когда бомбардировка стихала, а потому нерѣдко оставались они на мѣстѣ четыре, пять, а иногда и болѣе часовъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, основывать систему обороны на желаніи облегчать положеніе людей, занимавшихъ ложементы, было бы неумѣстно, и соединеніе отдѣльныхъ ложементовъ въ общія траншеи начато было не въ этихъ видахъ, а по другимъ, болѣе важнымъ соображеніямъ.

Назначенные для прикрытія небольшихъ командъ, ложементы, могли удовлетворять потребностямъ обороны только въ началѣ осады. По мѣрѣ же приближенія непріятельскихъ подступовъ и съ развитіемъ работъ осаждающаго, однихъ ложементовъ оказалось недостаточно. Для удержанія атакующаго, необходимъ былъ ружейный огонь болѣе сильный, нежели тотъ, какой могли производить отдѣльныя команды стрѣлковъ, размѣщаемыя въ ложементяхъ. Нужно было также доставить контр-апрошамъ бѣольшую возможность держаться противъ атакъ холоднымъ оружіемъ. Тогда то осажденный началъ отдѣльные ложементы соединять между собою, и вновь закладывать отдѣльныя и общія траншеи.

Непрерывныя траншеи, сравнительно съ отдѣльными ложементами, доставляютъ весьма много выгодъ:

1) Малыя команды, размѣщаемыя въ отдѣльныхъ ложементъхъ, не могутъ имѣть ни такого единства, ни такого порядка, какой можно соблюдать въ траншеѣ, представляющей возможность расположить въ ней войска взводами, ротами и даже помѣщать по нѣсколько баталіоновъ.

2) Непрерывныя траншеи позволяютъ производить ружейную пальбу развернутымъ фронтомъ.

3) Онѣ представляютъ возможность усиливать ружейный огонь, смотря по надобности, то на одномъ, то на другомъ пунктѣ, совершенно скрытно и неожиданно для непріятеля.

4) Траншеи доставляютъ возможность обстрѣливать работы атакующаго ближайшимъ картечнымъ огнемъ, изъ орудій малаго калибра, которыя точно также, какъ и войска, вполне возможно перемѣщать съ одного пункта на другой.

Не смотря на исчисленныя выгоды, осуждающіе употребленіе контръ-апрошныхъ траншей говорятъ, будто подобныя траншеи невыгодны, потому что близкое ихъ разстояніе отъ подступовъ непріятеля доставляетъ послѣдному возможность безъ труда вскочить въ контръ-апрошу; что при ночной атакѣ непріятеля, контръ-апроши заслоняютъ огонь крѣпостныхъ верковъ; что непріятель, преслѣдуя людей, выбитыхъ изъ траншей, можетъ по пятамъ ихъ ворваться въ крѣпость, и наконецъ потому, что непріятель, занявъ контръ-апрошныя траншеи, удобно передѣляетъ ихъ въ свои, и такимъ образомъ перешагнетъ значительное пространство скорѣе и съ меньшими жертвами, нежели бы онъ могъ это сдѣлать ведя подступы обыкновеннымъ способомъ.

Нельзя не согласиться, что при расположеніи контръ-апрошной траншеи, ближе къ непріятельскимъ подступамъ нежели къ главной оборонительной линіи или вообще къ укрѣпленіямъ, поддерживающимъ контръ-апрошу, и безъ особенныхъ при этомъ мѣръ предосторожности со стороны обороняющаго, для овладѣнія контръ-апрошей атакующему представляется весьма много шансовъ. Ему остается пробѣжать небольшое разстояніе отъ своей траншеи до траншеи осажденнаго, и при томъ онъ имѣетъ возможность держать свои резервы ближе, нежели обороняющій. Но въ подобныхъ случаяхъ, когда осажденному необходимо выдвигать свои контръ-апроши далеко впередъ оборонительной линіи, необходимо располагать ихъ не въ одну, а въ двѣ линіи, какъ это дѣлалось подъ Севастополемъ, такимъ образомъ, чтобы резервъ стоялъ во второй линіи и находился отъ войскъ, зани-

мающихъ контръ-апрошу, ближе того разстояніа, на которое отстоятъ подступы атакующаго отъ первой линіи контръ-апрошъ.

Въ одну же линію можно устраивать контръ-апрошныя траншеи только въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ можно расположить ближе къ крѣпостной оградѣ, нежели къ работамъ осаждающаго, или когда мѣстность позволяетъ скрыть резервъ, назначенный для поддержки войскъ, занимающихъ контръ-апрошу, въ недалекомъ отъ нихъ разстояніи. Въмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо наблюдать, чтобы контръ-апрошныя траншеи всегда находились подъ сильнымъ фланговымъ и тыльнымъ огнемъ крѣпостной артиллеріи.

На этихъ то соображеніяхъ и основывался расчетъ на успѣхъ при заложеніи контръ-апрошъ въ Севастополѣ, въ чемъ легко убѣдиться, если внимательно разсмотрѣть планъ севастопольскихъ оборонительныхъ работъ.

При исполненіи всѣхъ вышеозначенныхъ условій, обороняющій всегда можетъ имѣть полную надежду, помощію контръ-апрошъ крайне замедлять приближеніе атакующаго, и ввести его въ болѣе значительныя потери. Овладѣніе же контръ-апрошами осаждающему никакимъ образомъ не обойдется дешево. Въ тѣхъ даже случаяхъ, когда осаждающему удастся напасть на контръ-апроши обороняющаго совершенно нечаянно, и послѣдній, будучи застигнутъ въ распахъ, не окажетъ должнаго сопротивленія, то одна артиллерія, поддерживающая контръ-апроши, и въ этотъ кратковременный моментъ штурма своимъ фланговымъ и тыльнымъ огнемъ можетъ нанести атакующему весьма большой уронъ. Въ подтвержденіе нашихъ словъ, укажемъ на неудачное для насъ дѣло 19 апрѣля 1855 года, когда были взяты наши траншеи, построенныя предъ редутомъ Шварца. Нападеніе непріятеля въ эту ночь увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, и онъ весьма скоро овладѣлъ нашей траншеей, но и при этомъ, по показанію Ниеля, потеря Французовъ состояла изъ 602 чел. (*), а наша изъ 500 чел. (**).

Нѣтъ такъ же причины утверждать, что контръ-апрошная траншея заслоняетъ огонь изъ крѣпости. Мѣстность, между

(*) *Sidge de Sebastopol*, p. 244.

(**) Всѣ вообще свѣдѣнія о нашихъ потеряхъ заимствованы изъ журналовъ военныхъ дѣйствій, представлявшихся отъ главнокомандующихъ Военному Министру.

контръ-апрошами и траншеями атакующаго, должна обстрѣливаться прежде всего фланговымъ огнемъ изъ-за крѣпостной ограды, а такому огню контръ-апроши нисколько не препятствуютъ и отнюдь не прикрываютъ отъ него непріятеля.

Что же касается огня верковъ, лежащихъ сзади контръ-апрошъ, то огонь этотъ можетъ имѣть двоякую цѣль: или обстрѣливать мѣстность, или затруднять непріятеля утвердиться въ контръ-апрошахъ, еслибы онъ успѣлъ ихъ занять. Въ первомъ случаѣ, если недостаточное командованіе верка не позволяетъ стрѣлять по верхъ контръ-апрошей, безъ вреда войскамъ, ихъ занимающимъ, то ничто не мѣшаетъ приказать имъ раздаться въ стороны и продолжать ружейный огонь, подобно тому, какъ въ полѣ раздается цѣпь съ приближеніемъ артиллеріи. Во второмъ случаѣ, когда непріятелю удается занять контръ-апрошу, то хоть брустверь этой траншеи и доставить ему нѣкоторое закрытіе, но за то огонь съ крѣпостныхъ верковъ по контръ-апрошѣ будетъ гораздо болѣе мѣткимъ, нежели по вновь закладываемой непріятелемъ траншеѣ, потому что обороняющій имѣетъ полную возможность заблаговременно и совершенно точно опредѣлить разстояніе до контръ-апроши, а слѣдовательно будетъ знать требующіяся для вѣрныхъ выстрѣловъ направленія орудій и углы возвышенія.

Такъ по крайней мѣрѣ поступали при подобныхъ случаяхъ въ Севастополѣ, и не находили, чтобы контръ-апрошныя траншеи мѣшали огню оборонительной линіи.

Возможность же для непріятеля ворваться въ крѣпость, опрокинувъ траншейное прикрытіе и преслѣдуя его по пятамъ, намъ кажется такъ мало вѣроятною, что мы не находимъ нужнымъ приводить какіе либо доводы для опроверженія этого, а замѣтимъ только, что допуская подобныя опасенія, нельзя предпринимать и вылазокъ, которыя въ случаѣ неудачи представляютъ для непріятеля тѣже шансы возможности ворваться въ крѣпость. Считать контръ-апроши бесполезными и даже вредными въ томъ вниманіи, что непріятель, занявъ контръ-апрошу, можетъ ею воспользоваться, было бы также неосновательно, какъ странно было бы считать бесполезными, и даже вредными, отдѣльныя укрѣпленія, воздвигаемыя впереди крѣпостной ограды, а равно и самыя крѣпости, потому что непріятель, занявъ оныя, можетъ воспользоваться всѣми заключающимися въ нихъ запасами, овладѣть

же потеряннымъ укрѣпленіемъ или крѣпостью обратно будетъ не всегда возможно.

Контръ-апроши, равно какъ и всѣ укрѣпленія, строятся не съ тою мыслію, чтобы сдѣлать паденіе какого нибудь пункта невозможнымъ, потому что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не существуетъ неопределимыхъ укрѣпленій и крѣпостей. Настоящая цѣль контръ-апрошъ должна состоять въ томъ, чтобы защищая мѣстность шагъ за шагомъ, близкимъ и сильнымъ ружейнымъ огнемъ, замедлить приближеніе атакующаго, заставить его употребить новыя усилія и испытать большія потери. Коль скоро достигнута эта цѣль, то контръ-апроша выполнила свое назначеніе. Еслибы потомъ, перейдя въ руки непріятеля, она и доставила ему нѣкоторыя выгоды, то это неудобство, неизбежное въ каждомъ укрѣпленіи, не даетъ достаточно причинъ неупотреблять ихъ тамъ, гдѣ онѣ могутъ быть полезными. Но при этомъ, слѣдуетъ замѣтить, что, устранивая контръ-апроши, необходимо нужно рѣшиться защищать ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не исполняютъ своего назначенія. Если же изъ опасенія значительной потери, контръ-апроши будутъ слабо защищаемы, или отданы преждевременно безъ сопротивленія, то въ такихъ случаяхъ онѣ, конечно, не доставятъ всѣхъ выгодъ, которыя должно было ожидать отъ ихъ постройки.

Примѣры того, какую пользу оборонѣ приносятъ контръ-апроши, и какъ упорно слѣдуетъ ихъ защищать, представляютъ намъ осады: Кандіи, Граве, Варны, Силистріи и особенно же Кольберга. Но во всѣхъ этихъ осадахъ, за исключеніемъ Кольберга, контръ-апроши составляли для обороняющаго лишь побочное средство, главная же оборонительная его сила заключалась въ крѣпостныхъ веркахъ, и главнымъ средствомъ служили вылазки. Въ одной только осадѣ Кольберга, въ 1807 году, главнымъ средствомъ обороны были контръ-апроши.

Знаменитый защитникъ Кольберга, маіоръ Гнезенау (*), вполне сознавая, что единственное средство продлить оборону крѣпости составляетъ постепенная, шагъ за шагомъ, защита впереди лежащей мѣстности, избралъ для обороны систему контръ-апрошъ, и въ этихъ видахъ устроилъ наскоро, на горѣ Вольфсбергъ, лежавшей въ разстояніи около версты впереди крѣпости, небольшой редутъ, и связалъ его съ задн лежщими верками

(*) Въ послѣдствіи начальникъ штаба въ арміи Блюхера.

посредствомъ закрытаго сообщенія. Редутъ этотъ обратилъ на себя главное вниманіе атакующаго и вызвалъ его на нѣсколько открытыхъ штурмовъ, которые всѣ были отбиты. Тогда осаждающій вынужденъ былъ предпринять правильную осаду, и сосредоточить противъ редута около 30 орудій. Борьба за обладаніе этимъ незначительнымъ укрѣпленіемъ, поддерживаемая со стороны Пруссаконъ съ должной энергіею, продолжалась 44 дня, и стоила обороняющему 2122 чел., что составляло болѣе трети гарнизона всей крѣпости. Какъ не велика кажется съ перваго раза эта потеря, но она вполне окупилась достигнутымъ результатомъ.

Борьба за редутъ, замедливъ осадныя дѣйствія противъ главной крѣпостной ограды и удержавъ непріятеля въ продолженіи шести недѣль на разстояніи около версты отъ крѣпости, ослабила силы атакующаго, поколебала въ немъ увѣренность на успѣхъ, заставила быть чрезвычайно осторожнымъ, и тѣмъ продолжила оборону на столько, что Кольбергъ не былъ еще во власти Французонъ въ то время, когда послѣдовало заключеніе Тильзитскаго мира, вслѣдствіе чего крѣпость эта осталась во владѣніи Пруссіи.

Спрашивается, былъ ли бы достигнутъ подобный результатъ, если бы обороняющій ограничился пассивною обороною изъ-за главной ограды, хотя и весьма сильной? И неужели контръ-апроши эти, хотя они, перейдя въ руки атакующаго, доставили ему нѣкоторыя выгоды и приблизили его къ крѣпости, слѣдуетъ считать бесполезными и даже вредными для обороны, а защитниковъ, при этомъ павшихъ, излишне пожертвованными? Всего вѣроятнѣе, что при исключительно пассивной оборонѣ крѣпость пала бы гораздо ранѣе, и гарнизонъ понесъ бы потери значительнѣйшія, которыя были бы тѣмъ болѣе напрасны, что пассивная оборона едва ли могла доставить подобный результатъ.

Какъ въ Кольбергѣ, такъ и въ Севастополѣ, главнымъ средствомъ обороны служили контръ-апроши, но въ Кольбергѣ главную силу осажденнаго все-таки составляли крѣпостныя верки; въ Севастополѣ же вся сила обороны заключалась въ вооруженіи и въ контръ-апрошахъ; послѣдніе имѣли здѣсь несравненно болѣе важную важность, а потому необходимо было защищать ихъ еще болѣе упорно.

Что же касается сужденій, будто бы контръ-апрошная траншея доставляетъ возможность осаждающему, овладѣвъ ею, однимъ скачкомъ перешагнуть большое пространство, и тѣмъ способствуетъ ему идти скорѣе и съ меньшими жертвами, нежели обыкновенными подступами, то всѣ эти разсужденія совершенно опровергаются фактами. Напротивъ, оборона Севастополя вполне выказала, что контръ-апроши, должнымъ образомъ устроиваемые, вызываютъ непріятеля на большія потери, нежели при веденіи подступовъ обыкновеннымъ способомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно замедляютъ ходъ осадныхъ работъ.

Для убѣжденія въ томъ, что оборона, съ помощію контръ-апрошъ, заставляетъ непріятеля испытывать большія потери, мы приведемъ слѣдующія цифры: съ 10-го февраля по 26-е мая включительно, въ періодъ наибольшаго развитія контръ-апрошной войны, потеря Французовъ, по показаніямъ Ніеля, простиралась до 16,049 человекъ, что составляетъ 4,584 человека въ мѣсяць. Въ томъ числѣ мы разумѣемъ и потери, понесенныя Французами при атакахъ открытою силою контръ-апрошныхъ построекъ, потому что одна изъ цѣлей этихъ построекъ и заключалась именно въ томъ, чтобы вызвать непріятеля на такого рода атаки, и заставить его брать съ боя каждый выгодный для него пунктъ мѣстности и каждую контръ-апрошу. Съ 27-го же мая по 27-е августа включительно, когда война въ контръ-апрошахъ прекратилась, по тѣмъ же показаніямъ, потеря Французовъ простиралась до 21,455 человекъ, считая въ этомъ числѣ и потерю, понесенную Французами при обоихъ штурмахъ, 6-го іюня и 27-го августа. Но дабы вывести цифру потери непріятеля за этотъ періодъ, собственно при веденіи подступовъ, когда, съ нашей стороны, мы ограничивались пассивной обороной, то необходимо, изъ показанной общей потери 21,455 чел., вычесть цифру потери въ штурмахъ, которая составляетъ 11,618 чел. Слѣдовательно, общая цифра потери за 3 мѣсяца 9,837 чел., составляющая въ мѣсяць 3,279 чел., менѣе выведенной нами средней цифры за прежніе мѣсяцы 4,584 чел. на 1,305 чел. въ мѣсяць.

Между тѣмъ, извѣстно, что пассивная оборона крѣпости, т. е. огонь ея верховъ, получаетъ наибольшую силу съ приближеніемъ непріятеля, и обыкновенно осаждающій, въ послѣдній періодъ осады, терпитъ отъ этого огня несравненно болѣе, нежели въ началѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Севастополѣ, собственно отъ огня верховъ, Французы, въ августѣ, понесли гораздо болѣе потерь,

нежели прежде, а потому, тѣмъ болѣе значительнѣйшая ихъ потеря за прежніе мѣсяцы, не иначе объясняется, какъ контръ-апрошной войной.

Само собою разумѣется, что и при войнѣ въ контръ-апрошахъ, мы не могли нанести вреда непріятелю безъ собственныхъ потерь. Но, заставляя непріятеля, для овладѣнія контръ-апрошами, подходить подъ сильный артиллерійскій огонь тѣхъ частей оборонительной линіи, которыя фланкировали контръ-апроши, и открыто атаковать находившіяся въ контръ-апрошахъ наши войска, мы вызывали его на большія потери и иногда, какъ мы видѣли, даже при неудачахъ сами теряли менѣе людей, нежели непріятель.

Это свойство контръ-апрошъ, всегда выгодное для осажденнаго, подъ Севастополемъ имѣло для насъ особенную важность, потому что превосходство вооруженія союзниковъ заставляло насъ въ открытомъ бою почти постоянно, а въ особенности при неудачахъ, испытывать потери, несоразмѣрно большія, сравнительно съ непріателемъ. Такъ, напр., наша потеря въ Инкерманскомъ сраженіи простиралась свыше 10,500, а потеря союзниковъ, если вѣрять показаніямъ Ніеля, не составляла и 3,500 чел., т. е. была втрое менѣе. Въ сраженіи при Черной, уронъ нашъ простирался отъ 7,000—8,000 чел., а непріятель потерялъ всего 1,701 чел., т. е. менѣе вчетверо. Во время же бомбардированій, отношеніе между нашей потерей и потерей непріятеля было для насъ еще болѣе невыгодно. Такъ, напр., во время бомбардированія, которое продолжалось съ 28-го марта по 7-е апрѣля, наша потеря состояла изъ 6,819 чел., а потеря непріятеля около 2,000 чел. (*); при бомбардированіи съ 5-го по 11-е августа наша потеря составляла 5,850, а потеря непріятеля 1,443 чел.; съ 24-го по 27-е августа наша потеря простиралась до 7,962 чел., а потеря непріятеля не состояла и изъ 1,000 чел.

Въ контръ-апрошной же войнѣ, при самыхъ сильныхъ неудачахъ, какъ напр. въ дѣлѣ 10-го мая, потеря наша, какъ мы видѣли, превосходила непріятельскую весьма немного больше, чѣмъ на $\frac{1}{3}$; а если прибавить къ тому сравнительно большую потерю непріятеля въ слѣдующую ночь, на которую его вызвали

(*) Потери Французовъ заимствованы изъ сочиненія «*Siege de Sebastopol*», а потеря Англичанъ изъ сочиненія «*Despatches and Papers*».

тѣже контръ-апроши, то наша потеря будетъ превышать потерю непріятеля не болѣе, какъ на $\frac{1}{4}$.

Вообще, можно сказать, что только одни контръ-апроши доставляли намъ возможность, испытывая разстройство, растронивать и непріятеля, и нанося ему возможно болѣшія потери, поколебать его увѣренность въ возможности произвести удачный штурмъ нашей оборонительной линіи, что, какъ видно и изъ статьи г. Циммермана, нѣкоторое время вполне достигалось. Сомнѣніе непріятеля въ удачѣ штурма, по всей вѣроятности, продолжалось бы и долѣе, если бы мы были болѣе настойчивы и не ослабили защиты контръ-апрошъ. Для доказательства же того, что контръ-апроши не содѣйствовали ускоренію веденія осадныхъ подступовъ, возьмемъ примѣръ, для насъ невыгодный, когда контръ-апроши, будучи слабо защищаемы, не выполнили своего назначенія, и который приведенъ авторомъ «Замѣтокъ» въ доказательство невыгоды строившихся подъ Севастополемъ контръ-апрошъ, а именно: траншеи, заложенной въ ночь съ 11-го на 12-е апрѣля впереди редута Шварца и взятая Французами въ ночь съ 19-го на 20-е апрѣля.

Но сначала скажемъ нѣсколько словъ относительно обстоятельствъ, которыя вызвали постройку этихъ траншей.

Ложементы предъ редутомъ Шварца, построенные съ 20-го на 21-е ноября и въ послѣдующія ночи, атакованные непріателемъ и по частямъ разрушенные 9-го и 17-го декабря 1854 г., 6-го и 29-го марта 1855 года, и при многихъ другихъ нападеніяхъ, менѣе важныхъ, хотя и были исправляемы и возобновляемы по возможности, но къ концу марта пришли въ такое состояніе, что съ 6-го по 11-е апрѣля, они днемъ вовсе не были занимаемы войсками и только по ночамъ въ нихъ помѣщали наши секреты.

Между тѣмъ, непріятель въ подступахъ противъ редута Шварца работалъ усиленно, и въ тоже время, какъ днемъ, такъ и ночью, поддерживалъ сильный огонь по редуту и по нашимъ ложементамъ. Слѣдовало опасаться, что въ скоромъ времени онъ зайдетъ своими подступами за линію нашихъ ложементовъ и утвердится на плато, лежащей между городскимъ оврагомъ и ложиной, которая спускается мимо кладбищенской высоты. Отлогости этихъ овраговъ обстрѣливались съ нашихъ батарей, находившихся между 4-мъ бастиономъ и редутомъ Шварца, съ лѣваго фланга 5-го бастиона и съ Бѣлкина люнета, но самое

плато продольно обстрѣливалось только однимъ орудіемъ съ исходящаго угла редута Шварца, и оттуда же получало весьма слабую ружейную оборону.

Обстоятельства эти весьма благопріятствовали приближенію непріятельскихъ подступовъ, а между тѣмъ приближеніе это было весьма опасно для насъ, потому что непріятель, занявъ плато, получалъ возможность дѣйствовать во флангъ и даже въ тылъ 4-му бастиону, обстрѣливать съ близкаго разстоянія пространство между 4 бастиономъ и Язоновскимъ редутомъ, и равно пространство между симъ послѣднимъ и городомъ и дѣйствовать продольно по всѣмъ улицамъ, выходящимъ въ промежуткѣ между 5 и 4 бастионами.

Чтобы оспоривать у непріятеля всѣ эти выгоды, въ ночь съ 11-го на 12-е апрѣля, на плато впереди редута Шварца, были заложены отдѣльные ложементы, которые на слѣдующую же ночь начали соединять между собою и устроили двойную линію траншей.

Эти контръ-апроши предполагалось по возможности преобразовать въ болѣе сильныя укрѣпленія, съ тѣмъ, чтобы защищая доступы къ редуту Шварца, въ то же время взять во флангъ передовые непріятельскіе подступы противъ 4-го бастиона и оборонять мѣстность впереди 5-го бастиона. Такимъ образомъ, наша оборонительная линія выдвинулась бы здѣсь впередъ.

Приступая къ заложенію этихъ контръ-апрошъ, было предположено, чтобы до тѣхъ поръ, пока они не будутъ достаточно усилены, наряжать для ихъ защиты каждую ночь по 8 баталіоновъ. Только при соблюденіи этого условія, успѣшная ихъ оборона считалась возможною. При этомъ, изъ 8 баталіоновъ, два предполагалось держать въ самыхъ траншеяхъ, два въ ближайшемъ резервѣ, на склонѣ городского оврага, два въ Чесменскомъ редутѣ, и наконецъ два въ Ростиславскомъ редутѣ. Послѣдніе четыре баталіона должны были всегда находиться въ полной готовности въ случаѣ надобности выдвинуться впередъ и поддержать передовые 4 баталіона. Но условіе это не было соблюдено, и вотъ настоящая причина, почему мы тогда имѣли неуспѣхъ.

Доказательствомъ же, что, при соблюденіи означеннаго условія, весьма возможно было достигнуть предположенной цѣли, и вмѣсто неудачи пріобрѣсти выгоды, можетъ служить то, что ге-

нераль Хрущевъ, въ ночь съ 12 на 13 апрѣля, когда траншеи имѣли еще весьма слабую профиль, успѣлъ отбить нападеніе непріятеля только съ 5 баталіонами. Но когда впослѣдствіи число войскъ, назначавшихся для обороны траншей въ продолженіе ночи, еще болѣе уменьшили, то очень естественно, что для упорной защиты контръ-апроши ихъ оказалось недостаточнo.

Послѣдствія этой неудачи были весьма важны, и въ этомъ случаѣ авторъ совершенно справедливо говоритъ, что неудача наша 19 апрѣля поколебала вѣру непріятеля въ неприступности севастопольскихъ укрѣпленій.

Не смотря, однако, на то, что контръ-апроши впереди редута Шварца были отданы раньше, нежели слѣдовало, и потому далеко не исполнили своего назначенія, тѣмъ не менѣе и они немало затруднили непріятеля и замедлили приближеніе его подступовъ. Осаждающій, овладѣвъ контръ-апрошами, перескочилъ разомъ пространство въ 71 сажень, но за то близкій ружейный огонь, изъ этихъ контръ-апрошей, со дня заложенія ихъ, т. е. съ ночи на 12 апрѣля, до овладѣнія ими непріятелемъ въ ночь на 20 апрѣля, крайне замедлилъ веденіе непріятельскихъ подступовъ, такъ что непріятель, находясь 12 апрѣля на разстояніи 159 сажень отъ редута Шварца, въ теченіе $7\frac{1}{2}$ сутокъ подвинулся впередъ своими подступами только на 23 сажени, т. е. шелъ въ сутки не болѣе 3 сажень и $\frac{1}{2}$ фута, а вмѣстѣ со скачкомъ 19 апрѣля на 94 сажени, слѣдовательно вообще шелъ здѣсь среднимъ числомъ по $12\frac{1}{2}$ сажень въ сутки. Кромѣ того, контръ-апроши вызвали непріятеля на двѣ атаки открытою силою, изъ коихъ первая была отбита, а вторая хотя и увѣнчалась для атакующаго успѣхомъ, по причинамъ, независявшимъ отъ свойствъ контръ-апрошъ, но повлекла за собою потерю большую, сравнительно съ нашею потерею, чѣмъ случалось вообще весьма рѣдко. Сравнивая среднюю скорость веденія здѣсь непріятельскихъ подступовъ, $12\frac{1}{2}$ сажень, со скоростью наступленія атакующаго передъ 4 бастиономъ, гдѣ нашъ артиллерійскій огонь былъ несравненно сильнѣе, нежели передъ редутомъ Шварца, мы найдемъ, что противу 4 бастиона непріятель, при одинаковомъ удаленіи отъ крѣпостныхъ верковъ, съ 15 по 21 октября, прошелъ также 94 сажени только въ 6 дней; слѣдовательно шелъ въ сутки по $15\frac{2}{3}$ сажени.

Приведемъ еще одинъ примѣръ изъ контръ-апрошной бойни.

Когда заложенъ былъ Камчатскій редуть, ночью съ 26 на 27 февраля 1855 года, непріятельскихъ подступовъ на плато между Доковымъ оврагомъ и Килень-балкою вовсе не было. Французы, замѣтивъ наши работы и сознавая, что осажденный, занявъ холмъ впереди Малахова кургана (Mamelon vert), можетъ пріобрѣсти большія выгоды, нашли необходимымъ также предпринять здѣсь осадныя работы, и намерѣвались быстро подвинуться своими подступами къ этому пункту, дабы не дать намъ времени на немъ утвердиться.

Въ этихъ видахъ атакующій, въ ночь съ 28-го февраля на 1-е марта, заложилъ впереди Камчатскаго редута первую параллель, которой дано было косвенное направленіе, при чемъ лѣвый флангъ ея отстоялъ отъ редута на 230, а середина—на 340 сажень. Къ утру 1-го марта параллель эта, на протяженіи до 190 сажень, была уже въ состояніи прикрывать рабочихъ, а сзади ея были устроены сообщенія съ ланкастерскою батареею, въ 380 сажень длины.

Чтобы замедлить приближеніе осадныхъ работъ непріятеля, обороняющій нашелъ нужнымъ расположить впереди редута отдѣльные ложементы для стрѣлковъ, изъ которыхъ первые были заложены въ ночь съ 1-го на 2-е марта, въ 140 саженьхъ впереди Камчатскаго редута и въ 90 саженьхъ отъ лѣваго фланга непріятельской параллели.

Съ этого дня по 10-е марта, ложементы получали все большее и большее развитіе, и хотя они тотчасъ же оказали вліяніе на ходъ непріятельскихъ подступовъ, такъ что къ 10-му марта, непріятель, при всѣхъ усиліяхъ, успѣлъ вывести зигзаги отъ лѣваго фланга параллели впередъ только на 48 сажень, то есть подойти на 42 сажени къ нашимъ ложементамъ, но тѣмъ не менѣе одни ложементы не могли остановить непріятеля.

Затрудненные ложементами въ веденіи своихъ подступовъ отъ лѣваго фланга первой параллели, Французы въ ночь на 7-е марта вывели подступы изъ середины параллели, и къ 10-му марта успѣли пройти здѣсь впередъ 123 сажени. Очевидно было, что одни ложементы не могли удержать непріятеля и что для этого необходимо нужно было принять болѣе сильныя мѣры. Съ этою-то цѣлью, во-первыхъ, въ ночь съ 10-го на 11-е марта, произведена была вылазка подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Хрулева, въ продолженіе которой мы успѣли раззорить передовыя непріятельскія работы, и во-вторыхъ предпри-

нято соединить отдѣльные ложементы въ общую траншею. Соединеніе это начато было въ слѣдующую же ночь, то есть съ 11-го на 12-е марта.

Непріятель съ своей стороны также употреблялъ всѣ усилія, чтобы продолжать подступы. Французы строили новыя батареи и разстраивали почти каждодневно артиллерію Камчатскаго редута, почему оборона мѣстности лежала почти исключительно на однѣхъ только передовыхъ траншеяхъ. Несмотря на все это, непріятель двигался весьма медленно, такъ что съ 1-го марта по 26-е мая, когда наши передовыя траншеи, вслѣдствіе паденія редутовъ, перешли во власть атакующаго, то есть въ теченіе 86 сутокъ, онъ прошелъ отъ лѣваго фланга первой параллели 64 сажени, а отъ середины той же параллели 218 сажень, что составляетъ среднимъ числомъ въ сутки : для лѣваго фланга немного больше 5 футовъ, а для середины—около 2 сажень и 3 футовъ. Сравнивая эти цифры съ цифрами, показывающими скорость веденія непріятельскихъ подступовъ противъ 4-го бастіона, гдѣ, какъ мы видѣли, непріятель проходилъ въ сутки 15 и 16 сажень, легко убѣдиться, до какой степени контръ-апроши замедляли атакующаго въ производствѣ осадныхъ работъ.

Обратимся теперь къ контръ-апрошной работѣ, предпринятой нами, въ ночь съ 10-го на 11-е мая, на высотѣ у кладбища впереди 5-го бастіона.

Относительно этой работы, авторъ «Замѣтокъ» между прочимъ говоритъ: «Но предпріятіе не удалось и не могло удалиться; половина вновь выведенныхъ траншей пала въ руки Французовъ въ эту же ночь, а другая половина была занята ими на слѣдующую ночь (на 12 (24) мая). Работа наша послужила для непріятеля, который сейчасъ обратилъ взятые имъ траншеи въ свои. «Зачѣмъ выстроили траншеи на вашемъ правомъ флангѣ? говорилъ мнѣ генералъ де-Салль; вамъ нужно было усилить Корабельную, а не Городскую сторону и не передовыми траншеями. Ваши укрѣпленія городской стороны (бастіоны №№ 4, 5 и 6) были весьма сильны и до послѣдняго времени, я могу это засвидѣтельствовать, потому что испыталъ силу этихъ верковъ; я штурмовалъ центральный (5-й) бастіонъ 27-го августа (8-го сентября) и мои войска были тамъ отбиты, хотя они сдѣлали все, что возможно было сдѣлать.»

Изъ того только, что предпріятіе это намъ не удалось, нѣтъ еще основанія полагать, что оно не могло быть для насъ удачно.

Постройка контръ-апрошъ на высотѣ у кладбища была предпринята въ той надеждѣ, что сознавая ихъ важность, мы будемъ упорно, несмотря на потери, отстаивать ихъ до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ выгодъ, которыхъ можно было ожидать отъ этой постройки, или, другими словами, въ той надеждѣ, что мы выдержимъ здѣсь характеръ и настойчиво, несмотря на всѣ препятствія, будемъ стремиться къ той цѣли, которую себѣ предположили. Безъ соблюденія такихъ условій не должна быть предпринимаема никакая контръ-апрошная работа. Ежели мы успѣли выполнить эти условія при расположеніи далеко-вынесенныхъ впередъ Селенгинскаго, Волинскаго и Камчатскаго редутовъ, то почему же нельзя было надѣяться, что и здѣсь мы одинаково выдержимъ свою роль! Это было тѣмъ болѣе вѣроятно, что оборона здѣсь была для насъ удобнѣе. Контръ-апрошная постройка эта была гораздо ближе къ нашей оборонительной линіи, нежели названные редуты, и находилась подъ сильнѣйшимъ огнемъ нашей артиллеріи. Она обстрѣливалась съ одной стороны картечнымъ огнемъ съ праваго фаса 5-го бастиона, съ псходящаго угла Бѣлкина люнета и съ праваго фаса редута Шварца, а съ другой стороны получала флагговую оборону съ сильныхъ батарей Шемякина и съ лѣваго фаса 6-го бастиона.

При обстоятельствахъ столь благопріятныхъ для устройства контръ-апрошъ, рѣшаясь на ихъ постройку, не было причинъ не надѣяться на удачу. Усиѣхъ, одержанный нами при первомъ нападеніи Французовъ, *во вторую ночь* по заложеніи траншей, а не въ первую, какъ говоритъ авторъ «Замѣтокъ», потому что въ первую ночь никакого нападенія со стороны непріятели сдѣлано не было, — доказываетъ, что была возможность удерживать кладбищенскія траншеи. Французы, несмотря на всѣ усилія и весьма значительныя съ ихъ стороны потери, успѣли отнять у насъ не половину выведенныхъ нами траншей, какъ утверждаетъ авторъ «Замѣтокъ», а только ложементы наши у Карантинной бухты, но мы, какъ бы ужаснувшись понесенныхъ нами потерь, и какъ бы забывъ, что желаемыхъ нами выгодъ нельзя было достигнуть безъ неизбѣжныхъ жертвъ, на слѣдующую ночь, для обороны кладбищенскихъ контръ-апрошъ, послали только два

баталіона. Этимъ баталіонамъ приказано было при первомъ появленіи непріятельскихъ войскъ отступить, а какъ Французы, чего нельзя было не ожидать, въ эту ночь возобновили нападеніе, то траншея и отдана была имъ безъ всякаго сопротивленія.

При подобномъ образѣ дѣйствій съ нашей стороны, намъ немогла бы удалась ни одна постройка контръ-апрошныхъ верковъ.

Овладевъ траншеями у кладбища, осаждающій, конечно, не могъ не извлечь изъ нихъ пользы, какъ и вообще непріятель извлекаетъ пользу изъ всякаго перешедшаго въ его руки укрѣпленія. Но этого неслучилось бы, если бы мы защищали эти траншеи также упорно, какъ защищали Селенгинскій редутъ въ началѣ его заложения, а также вообще всѣ наши передовыя постройки и контръ-апроши, и какъ наконецъ защищали тѣ же самыя кладбищенскія траншеи въ ночь съ 10 на 11 мая. Непріятель, сравнительно съ нами, въ этомъ случаѣ оказалъ гораздо болѣе настойчивости, почему выгоды и остались на его сторонѣ. Опѣивая вполне затрудненія, которыя возникнутъ для него, если мы успѣемъ усилить наши контръ-апроши у кладбища, осаждающій для устраненія сихъ затрудненій не останавливался ни передъ какими потерями. Онъ упорно преслѣдовалъ предположеніе овладѣть нашими контръ-апрошами, и наконецъ достигъ своей цѣли. Такая настойчивость со стороны непріятели служить лучшимъ доказательствомъ, что контръ-апроши у кладбища были для атакующаго чрезвычайно важны и сильно его стѣсняли.

Чтоже касается соображеній, побудившихъ осаждающаго предпринять постройку кладбищенской контръ-апроши, то соображенія эти заключались въ слѣдующемъ: потеря контръ-апрошъ на плато передъ редутомъ Шварца, была для насъ весьма чувствительна. Отнять ихъ назадъ было невозможно, и чтобы не дозволить непріятелю воспользоваться выгодами, которыя доставило ему означенное плато, оставалось одно средство выйти контръ-апрошами впередъ противу одного изъ смѣжныхъ съ редутомъ Шварца укрѣпленій, и укрѣпившись на выгодной позиціи, стараться, дѣйствіемъ ближайшаго ружейнаго и картечнаго огня во флангъ непріятелю, задержать его подступы и не дозволить ему идти далѣе. Такую позицію представляла высота у кладбища, впереди люнетовъ Бѣлкина и Бутакова.

Кромѣ того, удержаніе за нами этой высоты могло имѣть огромное значеніе относительно 5-го бастиона и другихъ смѣжныхъ съ нимъ частей нашей оборонительной линіи. Непріятель, распространяя свои траншеи на этой высотѣ, параллельно сѣверной части кладбищенской ограды, могъ устроить ближнія демонтиръ-батареи, противъ праваго фаса 5-го бастиона, рикошетировать лѣвый его фасъ, обстрѣливать продольно, по верхъ оборонительной линіи, всѣ улицы, выходившія изъ города въ промежутокъ между 5-мъ и 6-мъ бастионами, и уничтоживъ артиллерію и укрѣпленія наши на этихъ пунктахъ, подвести свои подступы къ 5-му бастиону на самое близкое разстояніе.

Все это, конечно, не могло бы не повлечь за собою паденія 5-го бастиона, а слѣдовательно и всего Севастополя. Оборонять упорно столь важную для насъ мѣстность, системою отдѣльныхъ ложементовъ, не было никакой возможности. Для подобной цѣли требовалось гораздо болѣе войскъ, нежели сколько можетъ помѣститься ихъ въ отдѣльныхъ ложементахъ, а для прикрытія такого числа войскъ необходимъ былъ сильный плацдармъ. Въ этихъ то видахъ устроена была кладбищенская траншея, а чтобы связать ее съ оборонительною линіею, проведенъ былъ къ лѣвому ея флангу отъ люнета Бѣлкина ходъ сообщенія, который вмѣстѣ съ тѣмъ фланкировалъ всю мѣстность впереди редута Шварца и лѣваго фаса 5-го бастиона. Контръ-апроши эти составляли лишь основаніе для болѣе сильныхъ укрѣпленій, въ послѣдствіи же, по мѣрѣ возможности, полагалось, усилить ихъ батареями для полевыхъ орудій и отчасти для орудій большаго калибра.

Утвердившись такимъ образомъ на высотѣ у кладбища, и занявъ на флангѣ непріятеля позицію, вооруженную артиллеріею, мы могли надѣяться овладѣть обратно траншеями, отнятыми у насъ впереди редута Шварца. Но если бы это и не удалось, то во всякомъ случаѣ по занятіи нами кладбищенской высоты, осаждающій не иначе могъ продолжать свои работы, или рѣшиться на штурмъ укрѣпленій, какъ овладѣвъ предварительно нашими контръ-апрошами, которыя составляли для него неизбежное и весьма сильное препятствіе, что вполне признано и бывшими нашими противниками.

Вотъ, какъ говорить объ этихъ траншеяхъ генераль Нель: работы, предпріятыя осажденными въ ночь съ 21 на 22 мая,

имѣли столь большое развитіе, что составляли скорѣе укрѣпленный лагерь, нежели контръ-апрошную постройку. Если бы Русскіе могли тамъ удержаться, то осада города сдѣлалась бы невозможною, ибо вслѣдствіе огня съ кладбищенскихъ высотъ, въ нѣкоторой части нашихъ траншей вовсе нельзя было бы держать войскъ и намъ бы постоянно угрожала опасность быть обойденными значительными силами, которыя непріятель могъ тамъ собрать скрытно отъ насъ» (*).

Нельзя также не обратить вниманія на разсужденія автора, будто въ это время не слѣдовало усиливать Городскую сторону, а нужно было сосредоточить все вниманіе на защитѣ Корабельной, куда вскорѣ перенесена была главная Французская атака, и что устройство новыхъ траншей противу города въ началѣ мая, во всякомъ случаѣ, было весьма большой ошибкой со стороны осажденнаго.

Разсужденія автора лишены всякихъ основаній.

Распоряженія Французовъ для перенесенія своей главной атаки съ Городской стороны на Корабельную обнаружались только въ концѣ мая. По какому же поводу, въ началѣ этого мѣсяца, осажденный могъ бы не употреблять всѣхъ мѣръ для усиленія обороны Городской стороны, въ виду близкаго и сильнаго непріятеля и когда укрѣпленія наши, ближайшія къ первой главной атакѣ Французовъ (на бастіонѣ № 4), были уже въ такомъ положеніи, что при малѣйшей оплошности съ нашей стороны и при нѣсколько большей рѣшимости здѣсь непріятеля, мы могли бы потерять Севастополь въ нѣсколько дней. Если бы даже и можно было предвидѣть, что Французы въ скоромъ времени перенесутъ свою главную атаку, то и тогда незаботиться объ усиленіи столь слабаго пункта, какимъ были 4-й и 5-й бастіоны и сѣѣжныя съ ними укрѣпленія, было бы весьма опасно. Но предви-

(*) *Les travaux entrepris par les assiégés, dans la nuit du 21 au 22 mai, avaient un si grand développement, qu'ils constituaient un camp retranché en avant de la quarantaine plutôt qu'un ouvrage de contre-approche. Si les Russes avaient pu s'y maintenir, le siège de la ville serait devenu impossible, car les feux partant des hauteurs du cimetière auraient rendu inhabitable une partie de nos tranchées et nous eussions été sans cesse menacés d'être tournés par des forces considérables, que l'ennemi aurait pu y réunir à notre insu. (Siège de Sebastopol. p. 252).*

дѣтъ перенесеніе главной атаки не было никакихъ причинъ, потому что для достиженія успѣха на вновь избранномъ Французами пунктѣ главной атаки (Малаховъ курганъ) осаждающей долженъ былъ употребить, какъ и доказали послѣдствія, нѣсколько мѣсяцевъ усиленныхъ дѣйствій; на первомъ же пунктѣ (бастионъ № 4-й), онъ могъ во всякомъ случаѣ, не смотря ни на какія успія обороняющагося, достигнуть успѣха въ двѣ или три недѣли, а при удачѣ, весьма могло случиться, что достигнулъ бы своей цѣли и въ нѣсколько дней.

Разсмотрѣвъ сужденія «Замѣтокъ» о производившихся при оборонѣ Севастополя контръ-апрошныхъ работахъ и объяснивъ при этомъ распоряженія обороняющагося такъ, какъ мысами ихъ понимаемъ, обратимся къ сужденіямъ автора о горжахъ, которыми сомкнута была большая часть севастопольскихъ укрѣпленій.

Наиболѣе рѣзкія сужденія противу горжъ въ «Замѣткахъ» помѣщены на стр. 429, гдѣ авторъ, рассказывая о штурмѣ 27 августа, между прочимъ говоритъ: «Французы пошли на штурмъ и заняли Малаховъ и бастионъ № 2-го, изъ послѣдняго выбиты были генераломъ Сабашинскимъ, но въ Малаховѣ удержались, потому что горжа помѣшала нашимъ резервамъ взойти опять въ укрѣпленіе и выбить непріятеля. Въ этомъ обстоятельствѣ, то есть въ томъ, что Малаховъ палъ единственно по причинѣ горжи, Французы не охотно и съ трудомъ сознаются, потому что это тяжело для ихъ самолюбія, но, однако, все-таки сознаются». Далѣе, на стр. 430, авторъ рассказываетъ: «Англичане понимаютъ, что имъ не удалось занять 3-й бастионъ потому, что въ немъ не было горжи (горжа была разрушена непріятельскимъ огнемъ еще прѣжде и не возобновлена) и Русскимъ была возможность ввести резервы во внутренность укрѣпленій и выбить атакующихъ; на Малаховѣ же этого нельзя было сдѣлать, оттого единственно Французы и удержались на Малаховѣ». А потомъ, на стр. 431, добавляетъ: «Виндамъ, занявъ исходящій уголъ 3-го бастиона, послалъ въ англійскія батареи сказать, чтобы онѣ стрѣляли противъ 3-го бастиона также сильно, какъ бы тамъ вовсе не было Англичанъ; по его словамъ, артиллерійскій огонь Англичанъ былъ очень слабъ, что и помогло Русскимъ подводить резервы. На это я (т. е. г. Циммерманъ) объяснилъ ему, что главнѣйшая причина неуспѣха Англичанъ состоитъ въ томъ, что

внутри 3-го бастиона было легко вводить намъ свѣжія подкрѣпленія; горжа не мѣшала тому; свѣжее же войско, приведенное въ укрѣпленіе, не въ разстроенномъ видѣ и въ массѣ, всегда должно выбить непріятеля, который, послѣ успешнаго штурма, непременно будетъ разстроенъ и въ безпорядкѣ. Артиллерійскій огонь, сколь бы онъ не былъ силенъ, не могъ бы остановить нашихъ войскъ при отбитіи 3-го бастиона, одна горжа лишь, давъ непріятелю закрытіе, могла бы помѣшать тому».

Строго разбирая двѣ послѣднія выписки, мы находимъ въ нихъ нѣкоторую неясность. Изъ словъ автора не видно, сами ли Англичане поняли, что имъ не удалось занять 3-й бастионъ потому, что въ немъ не было горжи, или они поняли это послѣ разговора г. Циммермана съ генераломъ Виндамомъ? Но быть можетъ, въ этомъ случаѣ, авторъ о своей личной услугѣ Англичанамъ умалчиваетъ изъ скромности. Не видно также, согласился ли начальникъ англійской штурмовой колонны, который о главной причинѣ своей неудачи безъ сомнѣнія могъ и самъ составить себѣ весьма вѣрное сужденіе, съ объясненіемъ, которое предложено ему было со стороны г. Циммермана, или онъ только оставилъ это объясненіе безъ возраженій. Во всякомъ случаѣ, изъ приведенныхъ словъ автора и изъ многихъ другихъ объясненій «Замѣтки» видно, что вообще горжи или другими словами сомкнутыя укрѣпленія авторъ считаетъ невыгодными, и что по его мнѣнію устройство подобныхъ укрѣпленій въ Севастополѣ со стороны осажденнаго было весьма большой ошибкой.

Разберемъ подробно причины, побудившія осажденнаго сомкнуть горжами свои главные укрѣпленія.

Позиція, которую необходимо было занять для обороны Севастополя, простиралась въ длину почти на 8 верстъ, а войска, ее занимавшія, постоянно уступали въ числѣ войскамъ атакующаго. При такихъ условіяхъ укрѣпить одинаково сильно всю позицію, значило бы растянуть наши войска, и быть вездѣ слабѣе непріятеля, который могъ сосредоточить свои силы по произволу на любомъ пунктѣ.

Для надежной защиты не оставалось другаго средства, какъ воздвигнуть сильныя по возможности укрѣпленія на важнѣйшихъ пунктахъ мѣстности, и обращая главное вниманіе на ихъ защиту, въ нихъ преимущественно и распредѣлить наши войска.

Въ такихъ видахъ построены были 1-й, 2-й, Корниловъ, 3 и 4 бастионы, 5-й бастионъ, съ редутомъ Шварца и люнетомъ Бѣлкина, и 6-й бастионъ. Пространство же между бастионами было замкнуто куртеной, которая, по недостатку времени и средствъ, большею частію имѣла профиль весьма незначительную.

Устраивая свои укрѣпленія въ весьма твердомъ и мѣстами каменистомъ грунтѣ, осажденный не всегда имѣлъ возможность дать должную силу и главнымъ укрѣпленіямъ, а что касается куртинъ, то въ послѣднихъ не вездѣ были рвы, и многія изъ нихъ имѣли видъ траншей.

Если бы, въ подобныхъ обстоятельствахъ, главные укрѣпленія были сзади открыты, то неприятелю, въ случаѣ штурма, не было бы никакой надобности идти съ фронта, противу главныхъ укрѣпленій, а гораздо удобнѣе было обходить эти укрѣпленія съ двухъ сторонъ, и прорвавшись чрезъ слабыя по вооруженію и профили куртины, атаковать ихъ съ тыла.

При этомъ вспомнимъ, что для овладѣнія Севастополемъ, союзникамъ достаточно было овладѣть однимъ изъ главныхъ пунктовъ позиціи.

Всѣ эти обстоятельства, по нашему мнѣнію, достаточно объясняютъ, почему осажденный нашелъ нужнымъ сомкнуть горжами большую часть своихъ главныхъ укрѣпленій. Кромѣ того, горжи позволяли удобнѣе и выгоднѣе располагать войска, не ослабляя самой обороны.

При сомкнутыхъ сзади укрѣпленіяхъ, занявъ ихъ гарнизонами, сообразными съ протяженіемъ линіи огня, достаточно было въ промежуткахъ между ними, т. е. на длинныхъ куртинахъ, имѣвшихъ отъ 300 до 400 саж. протяженія, держать лишь самую незначительную часть войскъ, а всѣ прочія оставлять въ резервѣ, размѣщая сіи послѣдніе на центральныхъ пунктахъ. Но при подобномъ распредѣленіи войскъ весьма естественно, что оборона главныхъ укрѣпленій лежала не столько на гарнизонахъ, занимавшихъ укрѣпленія, сколько на резервахъ. Гарнизоны должны были удерживать неприятеля лишь временно, до прихода резервовъ. При размѣщеніи же послѣднихъ въ отдѣльныхъ строеніяхъ на разстояніи болѣе версты позади главной ограды, для прихода ихъ требовалось иногда до часа времени, а при этомъ условіи, не только въ тотъ періодъ осады, когда неприятельскія

траншеи находились въ разстояніи 40 саж. и ближе къ нашей оборонительной линіи, но и раньше, когда онѣ отстояли гораздо далѣе, непріятель имѣлъ полную возможность прорваться чрезъ куртину до прибытія резерва. Въ такомъ случаѣ, если бы главныя укрѣпленія не были сомкнуты горжами, то гарнизоны ихъ легко могли бы быть подавлены превосходствомъ непріятельскихъ силъ.

Кромѣ того, открытыя сзади укрѣпленія облегчаютъ приближеніе резервовъ атакующаго, и такимъ образомъ, способствуютъ ему скорѣе сосредоточить на атакованномъ пунктѣ большее число войскъ. Когда укрѣпленіе будетъ обойдено, и взято штурмовой колонной атакующаго, то дѣйствіе артиллеріи съ укрѣпленія должно прекратиться, а тогда и резервъ атакующаго, который всегда слѣдуетъ предполагать болѣе сильнымъ, нежели резервъ обороняющаго, не будучи разстроиваемъ артиллерійскимъ огнемъ атакованнаго укрѣпленія, можетъ войти въ оное раньше прибытія нашего резерва. Нѣтъ причинъ быть увѣреннымъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ превосходство непріятельскихъ силъ не могло бы одержать верха и надъ нашимъ резервомъ, а слѣдовательно не лишило насъ и послѣднихъ средствъ для обороны.

Сознаніе недостатковъ горжъ, выставляемыхъ авторомъ «Замѣтокъ» и состоящихъ въ томъ, что по занятіи непріятелемъ укрѣпленія, горжа доставляетъ атакующему закрытіе отъ огня, который бы могъ сосредоточить противъ него обороняющій, и препятствуетъ послѣднему употребить въ массѣ свой резервъ, — давно уже составляетъ достояніе военно-инженерной науки, а потому недостатки эти не могли не быть извѣстны и осажденнымъ въ Севастополѣ. Но перевѣсъ выгодъ, доставляемыхъ сомкнутыми укрѣпленіями надъ ихъ невыгодными свойствами, заставилъ предпочесть, для обороны большей части главныхъ пунктовъ, укрѣпленія, сомкнутыя горжами, укрѣпленіямъ, сзади открытымъ.

Относительно устройства горжъ, севастопольскія укрѣпленія не составляютъ, впрочемъ, никакого исключенія. При оборонѣ позицій для первой линіи открытыя сзади укрѣпленія предпочитаютъ только въ такихъ случаяхъ, когда обороняющій находить возможность вблизи своихъ передовыхъ укрѣпленій по-

стоянно держать достаточно сильные резервы, которые бы въ каждый моментъ были готовы встрѣтить атакующаго, и когда имѣется возможность сзади укрѣплений первой линіи расположить батареи, которыя бы могли обстрѣливать ихъ внутренность ближайшимъ картечнымъ огнемъ. Но такъ какъ оба эти условия, и въ особенности первое, не всегда примѣнимы, то при укрѣпленіи большихъ позицій и на продолжительное время почти всегда предпочитаютъ систему сомкнутыхъ построекъ.

Въ послѣднюю войну большая часть укрѣпленныхъ позицій, которыя должно было удерживать продолжительное время, имѣли въ 1-й своей линіи укрѣпленія, сомкнутыя горжами. Такимъ образомъ, напр., была укрѣплена Французами Камышевская бухта, въ которой сомкнутыя укрѣпленія были устроены не только въ 1-й, но и во 2-й линіи; такимъ же образомъ были укрѣплены позиціи Турокъ подъ Силистрією и подъ Карсомъ.

Неудавшійся намъ штурмъ послѣдняго изъ этихъ пунктовъ, 17 сентября 1855 года, ясно доказалъ, какую огромную услугу обороняющему, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могутъ принести сомкнутыя горжами укрѣпленія.

Войска Кавказской арміи, выше которыхъ ставить какія бы то ни было войска нѣтъ причинъ, въ продолженіе всей войны постоянно одерживавшія надъ Турками самыя блистательныя побѣды, при штурмѣ Карса испытали страшныя потери и имѣли неудачу всего болѣе потому, что главные атакованныя укрѣпленія оказались, противу ожиданія, не открытыми сзади, а были сомкнуты горжами. Имѣя въ виду яснѣе и убѣдительнымъ примѣромъ доказать вообще значеніе горжъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ и особенно вліяніе ихъ на неуспѣшность штурма укрѣпленной позиціи Турокъ при крѣпости Карсъ, а также пользуясь удобнымъ случаемъ познакомить читателей съ этимъ событіемъ, позволимъ себѣ привести нѣсколько подробный очеркъ славнаго для мужества русскихъ войскъ, хотя и неудавшагося, штурма 17-го сентября 1855 года (*).

Во время приготовленій къ штурму, по имѣвшимся свѣдѣніямъ полагали, что два наиболѣе значительныя турецкія укрѣ-

(*) Свѣдѣнія эти сообщены состоявшимъ за старшаго офицера генеральнаго штаба при главной штурмовой колоннѣ, генеральнаго штаба подполковникомъ Романовскимъ.

пленія на шарахской высотѣ, куда была направлена наша главная штурмовая колонна, были сзади открыты (*), а потому начальник колонны, генераль-маіоръ Майдель, направилъ всѣ распоряженія къ тому, чтобы овладѣвъ сколь возможно быстрѣе турецкой укрѣпленной линіею, расположенной на одной линіи между двумя главными Шарахскими укрѣпленіями, и повсей незначительной профили, не представлявшей большого препятствія для эскалады, атаковать главные укрѣпленія съ тылу.

Согласно диспозиціи, отданной наканунѣ, войска наши около 3-хъ часовъ по полуночи заняли назначенныя имъ мѣста верстахъ въ 2-хъ впереди укрѣпленій, построились для боя, и въ 4 часа двинулись на штурмъ. Едва приблизилась главная штурмовая колонна къ шарахскимъ укрѣпленіямъ на разстояніе около полуверсты, какъ непріятель, сдѣлавъ одинъ, по всей вѣроятности, сигнальный выстрѣлъ, открылъ самый сильный ружейный и картечный огонь. Первый выстрѣлъ непріателемъ былъ сдѣланъ въ 4³/₄ часа утра. Въ отвѣтъ на этотъ огонь наши войска ускорили шагъ, и подошедши на ружейный выстрѣлъ къ укрѣпленіямъ, съ крикомъ «ура!» бросились на штурмъ. Не прошло часу, какъ всѣ промежуточные укрѣпленія, кромѣ двухъ главныхъ, были взяты. Тогда, согласно сдѣланному наканунѣ распоряженію, часть пѣхоты, находившейся въ боевыхъ линіяхъ, была направлена въ тылъ главныхъ укрѣпленій, а другая часть, вмѣстѣ съ состоявшими при колоннѣ 4-мя сотнями козаковъ, была послана для преслѣдованія опрокинутыхъ войскъ непріятеля, и для содѣйствія прочимъ штурмовавшимъ колоннамъ. Последнему изъ сихъ назначеній въ эту минуту придавали наибольшую важность, потому что, предполагая найти главные два укрѣпленія или совершенно открытыми сзади, или имѣющими незначительную горжу, надѣялись взять ихъ безъ большого труда.

Около половины 7 часа утра, войска, преслѣдовавшія непріятеля, овладѣвъ турецкими лагерями, которые были расположены на шарахскихъ высотахъ, успѣли пройти болѣе версты за

(*) По однимъ свѣдѣніямъ, въ этихъ укрѣпленіяхъ горжи вовсе не существовали, по другимъ горжи были самой незначительной профили. Въ послѣдствіи оказалось, что второе изъ этихъ свѣдѣній было справедливо, но въ послѣдніе дни передъ штурмомъ, Турки возвысили горжи и сдѣлали ихъ недоступными для эскалады.

линію укрѣпленій, а кавалерія направлялась уже въ тылъ турецкихъ батарей, обстрѣливавшихъ противоположные скаты шарахскихъ высотъ, и откуда шли другія наши войска. Но въ это время, успѣвъ отбить штурмъ на прочихъ пунктахъ, Турки направили всѣ свои силы противъ нашей главной колонны; наступившій же разсвѣтъ убѣдилъ, что два наиболѣе значительныя шарахскія укрѣпленія неоткрыты сзади, а сомкнуты, и что горжи ихъ имѣютъ профиль, вполне обезпечивающую отъ штурма (*). Нѣсколько повторенныхъ одна за другой атакъ противъ этихъ укрѣпленій оказались безуспѣшны. Не смотря на все мужество войскъ и огромныя потери, при этомъ понесенныя, проникнуть во внутренность укрѣпленій неудалось. При этомъ большая часть главныхъ начальниковъ была убита или ранена и самъ главный начальникъ, лично принявшій начальство надъ войсками, штурмовавши горжи, раненъ двумя пулями.

Положеніе войскъ, овладѣвшихъ шарахскими высотами, совершенно измѣнилось.

Въ 8 баталіонахъ (**), которые были введены въ укрѣпленія, немногія части сохранили строй, остальные же, потерявъ своихъ начальниковъ, столпились въ беспорядочную массу, и лишены были одной изъ главныхъ способностей войскъ, — способности исполнять приказанія. Въ такихъ обстоятельствахъ не только наступать, что, впрочемъ, въ это время ни къ чему бы и ни повело, но и удержаться на занятой позиціи противу наступающихъ со всѣхъ сторонъ Турокъ было не легко.

Резервъ колонны, во время подведенный, и находившаяся при немъ артиллерія облегчили это трудное положеніе и дали возможность, ставъ твердой ногой въ занятой части укрѣпленной турецкой позиціи, возобновить штурмъ главныхъ укрѣпленій.

Вскорѣ за тѣмъ штурмовавшимъ войскамъ было прислано подкрѣпленіе, и вмѣстѣ приказано занятую позицію ни въ какомъ случаѣ не оставлять. Это было въ 8 часу утра.

(*) Горжи имѣли не болѣе 12 ф. высоты и около 10 ф. толщины, но они были сложены изъ сырца, и представляли почти отвѣсную стѣну, въ серединѣ которой былъ оставленъ входъ около 5 ф. ширины, прикрытый траверзомъ.

(**) По особому распоряженію главнокомандующаго, съ начала кампаніи 1855 года баталіоны находились въ 3-хъ ротномъ составѣ.

Колонна наша оставалась на шарахскихъ высотахъ почти до полудня. Въ продолженіе этихъ кровавыхъ часовъ, войска, привыкшія къ побѣдамъ и раздражаемая неудачей, сдѣлали все, что только возможно сдѣлать людямъ, закаленнымъ въ бою. Трудно было бы передать всѣ подвиги, которые въ эти трудныя минуты были выказаны при непрерывно-возобновлявшихся штурмахъ. Достаточно сказать, что изъ войскъ, которыя находились въ главной штурмовой колоннѣ, включая сюда и 8 баталіоновъ подкрѣпленій, присылавшихся въ промежутокъ времени отъ 8 до 12 часовъ утра, около $\frac{2}{3}$ выбыло изъ строя; въ артиллеріи же, состоявшей при колоннѣ, при нѣкоторыхъ орудіяхъ оставалось по 2 и по 3 челоуѣка прислуги, и по 2 или по 3 лошади въ упряжѣ. Но не смотря на все самоотверженіе штурмовавшихъ, укрѣпленія не были взяты, и въ 12 часовъ приказано было отступить.

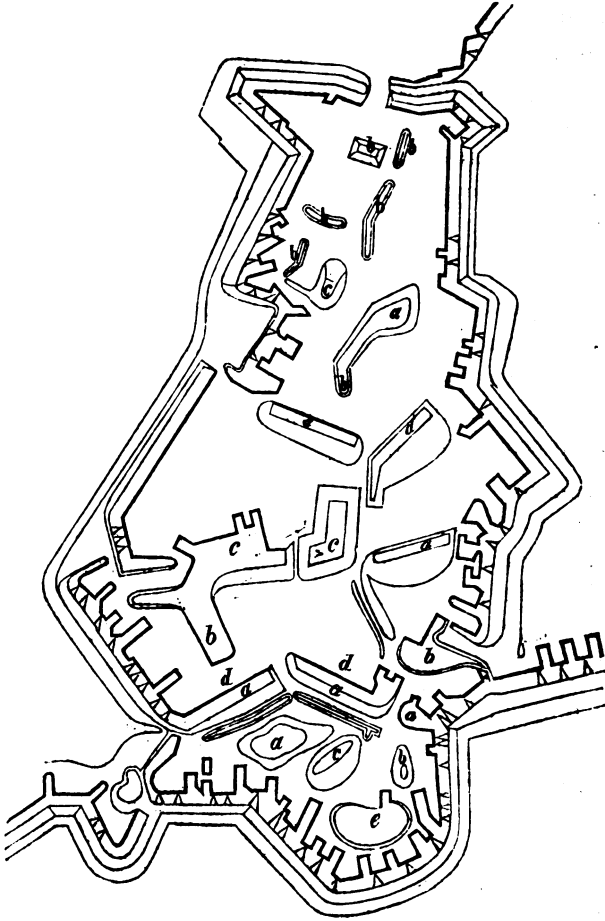
Какъ ни трудно бываетъ отступление въ подобныхъ обстоятельствахъ, но оно было совершено въ такомъ порядкѣ, что русскія войска не только не оставили неприятелю никакого трофея и ни одного раненаго, но еще вывезли съ позиціи 2 турецкія орудія, взятые съ бою.

Все сказанное о штурмѣ Карса достаточно убѣждаетъ, что если бы представилась какая нибудь возможность овладѣть укрѣпленіями, то конечно возможностью этой войска воспользовались бы, а слѣдовательно можетъ служить доказательствомъ того, въ какой мѣрѣ были полезны горжи для карскихъ укрѣпленій и какую важную роль играли при этомъ случаѣ.

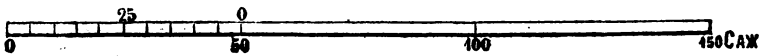
Разборъ причинъ, которыя заставили обороняющагося въ Севастополѣ, для обороны главныхъ пунктовъ позицій, предпочесть сомкнутыя укрѣпленія, и разсмотрѣніе главныхъ свойствъ этого рода построекъ, мы сдѣлали съ цѣлью, показать, какъ вообще односторонне сужденіе автора объ укрѣпленіяхъ и о примѣненіи ихъ къ оборонѣ позицій. Что же касается мнѣнія (которое случалось намъ слышать не разъ, и которое снова встрѣчается въ «Замѣткахъ»), будто бы главной причиной паденія Малахова кургана была построенная въ немъ горжа, то такъ какъ паденіе этого пункта имѣло обширное значеніе въ севастопольской оборонѣ, то мы считаемъ себя обязанными обратить на это мнѣніе особенное вниманіе.

Малаховъ курганъ, значительно (около 20 сажень) превышавшій всю окружающую его мѣстность, представлялъ на своей вершинѣ довольно значительную площадку, около 180 саж. длины и отъ 50 до 110 саж. ширины.

ПЛАНЪ УКРѢПЛЕНІЯ НА МАЛАХОВОМЪ КУРГАНѢ.

Масштабъ въ $\frac{1}{3200}$ настоящей величины.

Объясненіе: а) блиндажи, б) траверзы, с) пороховые погреба, д) ретраншаменты, е) каменная башня.

Очертаніе укрѣпленія, которое занимало вершину этого пункта и имѣло столь обширное значеніе въ севастопольской оборонѣ, зависѣло отъ вида самой площадки и имѣло фигуру совершенно неправильную. Внутренность укрѣпленія была перерѣзана множествомъ траверзовъ, устройство которыхъ, для прикрытія войскъ отъ чрезмѣрно сильнаго непріятельскаго огня, было совершенно неизбѣжно, и сверхъ того, внутри укрѣпленія было устроено множество пороховыхъ погребовъ и блиндажей.

При подобныхъ условіяхъ, во-первыхъ, не представлялось въ тылу кургана никакого пункта, на которомъ бы можно было расположить батарею съ цѣлію обстрѣливать внутренность укрѣпленія картечнымъ огнемъ, во-вторыхъ, если бы и можно было найти такой пунктъ, то, независимо отъ горжи, было много другихъ предметовъ, которые послужили бы закрытіемъ непріятелю и воспрепятствовали дѣйствию нашего картечнаго огня.

Но кромѣ этихъ особыхъ условій, горжа, устроенная на Малаховомъ курганѣ, не могла имѣть особаго вліянія на паденіе этого пункта и по самому ходу боя.

Французы, 27-го августа 1855 года, овладѣвъ въ 12 часовъ утра исходящимъ угломъ и большею частію Малахова кургана, не успѣли проникнуть до горжи. Пространство между горжей и послѣдними траверсами оставалось въ нашей власти до 5 часовъ по полудни. Въ эту часть свободно входили и въ ней постоянно держались наши войска. При томъ, въ горжѣ Малахова кургана былъ прорѣзанъ выходъ, имѣвшій 15 шаговъ ширины.

Внимательное обсужденіе всѣхъ приведенныхъ нами обстоятельствъ, по нашему мнѣнію, достаточно убѣждаетъ, что горжа на паденіе Малахова кургана никакого вліянія не имѣла, и что для объясненія потери укрѣпленія, построеннаго на этомъ курганѣ, нужно искать другихъ причинъ. Эти причины ясно обнаружатся, если мы сравнимъ взаимное положеніе французскихъ войскъ, штурмовавшихъ курганъ, и нашихъ войскъ, которыя его обороняли.

Штурмовавшія войска не были ни разстроены потерями, ни утомлены нравственно; войска же, оборонявшія курганъ, въ продолженіе послѣдняго бомбардированія имѣли огромныя потери и чрезмѣрнымъ нравственнымъ напряженіемъ не могли не быть утомлены. За часъ до штурма всѣ французскія войска, назначенныя для атаки Малахова кургана, собраны были въ ближайшихъ

къ нему подступахъ, изъ которыхъ передовыя въ это время находились не далѣе 15 саж. отъ исходящаго угла, а у насъ изъ войскъ, назначенныхъ для обороны кургана, только небольшая часть находилась въ гарнизонѣ укрѣпленія, остальные же составляли резервъ и были расположены въ Корабельной слободѣ. Число французскихъ войскъ, штурмовавшихъ укрѣпленіе, простиралось свыше 10,000 челов., а число всѣхъ нашихъ войскъ, которыя были назначены для обороны кургана, вмѣстѣ съ резервами, составляло не болѣе 7,180 челов. и изъ нихъ только 2,975, составлявшихъ гарнизонъ, въ минуту штурма находились на курганѣ, остальные же стояли въ резервѣ, т. е. находились въ разстояніи около версты отъ укрѣпленій.

Но кромѣ приведенныхъ нами весьма важныхъ обстоятельствъ, которыя безъ сомнѣнія не могли не содѣйствовать Французамъ въ успѣхѣ штурма, были и другія случайности, которыя также облегчали успѣхъ штурмовавшихъ; такъ напри- мѣръ, начальникъ французской штурмовой колонны, генералъ Макъ-Магонъ распоряжался находившимися подъ его командой войсками до конца боя, а у насъ въ продолженіе этого времени надъ оборонявшими курганомъ войсками перемежилось *шесть* начальниковъ; изъ нихъ 2 убито и 3 ранено.

Вотъ настоящія причины, которыми, по нашему мнѣнію, гораздо вѣрнѣе, нежели устройствомъ горжи въ укрѣпленіи Малахово кургана, объясняется паденіе этого столь важнаго для насъ пункта.

Вообще же намъ кажется, что отыскивать причины потери Малахова кургана и даже самаго Севастополя въ устройствѣ горжи, или въ какихъ нибудь другихъ свойствахъ укрѣпленія, которыя составляли нашу оборонительную линію, чрезвычайно односторонне.

Севастополь былъ главнымъ предметомъ борьбы между двумя сильными противниками, изъ которыхъ каждый въ продолженіе весьма долгаго времени направлялъ всѣ свои силы и средства къ тому, чтобы одержать побѣду. Въ подобной борьбѣ успѣхъ зависитъ не только отъ численности сражающихся армій, отъ худшаго или лучшаго ихъ устройства и вооруженія, но и отъ перевѣса вообще всѣхъ матеріальныхъ средствъ одного изъ противниковъ. Никто, конечно, не будетъ оспаривать, что въ послѣдней войнѣ, веденной нами, перевѣсъ матеріальныхъ средствъ былъ на сторонѣ союзниковъ, а при этомъ условіи, какъ бы ни

были сильны укрѣпленія, которыя для своей защиты могъ построить осажденный и какъ бы безукоризненно относительно искусства ни были они расположены, паденіе укрѣпленій, а вмѣстѣ съ ними и Севастополя, во всякомъ случаѣ было неизбѣжно.

Возражая противу сужденій «Замѣтокъ о крымской войнѣ» относительно военно-инженернаго дѣла, мы по необходимости должны были подробно разяснить нѣкоторыя обстоятельства севастопольской обороны, служившія основаніемъ для главныхъ военно-инженерныхъ распоряженій осажденнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ сказать нѣсколько словъ и о самой системѣ этой обороны, такъ, какъ сами ее понимаемъ. Въ нашихъ сужденіяхъ, мы постоянно основывались на свѣдѣніяхъ, заключающихся въ источникахъ по возможности достовѣрныхъ, и эти источники указаны, но при всемъ томъ очень можетъ случиться, что нѣкоторыя мысли нашей статьи будутъ найдены или невѣрными, или изложенными съ недостаточной ясностью. Это опасеніе и сознание важности вопросовъ, которыхъ мы коснулись, побуждаютъ насъ повторить покорнѣйшую просьбу читателямъ, указать намъ то, въ чемъ они съ нами будутъ не согласны, а также повторить и увѣренія, что мы не будемъ считать за стыдъ сознаться, если сдѣланныя намъ возраженія убѣдятъ насъ, что мы ошибались.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ сказать, что кромѣ невѣрныхъ сужденій о военно-инженерномъ дѣлѣ, въ «Замѣткахъ о крымской войнѣ» есть много и другихъ мыслей, съ которыми не только нельзя согласиться, но противъ которыхъ нельзя не возражать каждому, кто внимательно прочтетъ статью г. Циммермана.

Предположивъ ограничить себя предметомъ нашей специальности, мы не будемъ подробно разбирать всѣхъ прочихъ сужденій «Замѣтокъ», а замѣтимъ только, что для тѣхъ, кто взялъ бы на себя прослѣдить всѣ мысли автора, статья его для возраженій представила бы весьма богатый матеріалъ. Такъ, напримеръ, на страницѣ 394 авторъ говоритъ: «Въ послѣднее время появилось много печатныхъ обвиненій и нападокъ на военное сословіе. Обвиненія эти и нападки со стороны людей невоенныхъ не возбуждаютъ въ насъ негодованія, мы признаемъ, что общество имѣетъ право судить наши дѣйствія и уважаемъ

искреннія убѣжденія, хотя они были бы совершенно противоположны нашимъ». Очевидно, что г. Циммерманъ говорить здѣсь отъ лица всей арміи; но при этомъ, во-первыхъ, рождается вопросъ: не беретъ ли на себя авторъ уже слишкомъ много? Вторыхъ, нельзя не спросить, кто же этотъ *невоенный*, который рѣшился нападать на военное сословіе, а также, что оскорбительнаго собственно для арміи и вообще для каждаго добросовѣстно военно-служащаго, можетъ имѣть статья о нѣкоторыхъ недостаткахъ нашей военной администраціи и о злоупотребленіяхъ по интендантской части, на которую указываетъ г. Циммерманъ. Сверхъ того, едва ли кто нибудь согласится съ предлагаемою авторомъ классификацію для опредѣленія военныхъ и невоенныхъ.

Г. Циммерманъ, подъ словами *невоенные* разумѣетъ и тѣхъ военныхъ людей, которымъ не случалось бывать въ кампаніи и въ которыхъ, по мнѣнію автора, не слѣдуетъ допускать даже способности вѣрно судить о военномъ дѣлѣ. Не говоря уже о томъ, какъ оскорбительно было бы для тѣхъ, кто съ честью служилъ въ арміи, хотя и не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, лишиться почетнаго званія защитника отечества, и что классификація г. Циммермана однимъ взмахомъ нера нѣкоторыя государства Европы совершенно лишала бы военныхъ людей, — нельзя не замѣтить, что автору слѣдовало бы обратить вниманіе хотя на современную намъ главу Франціи. Императоръ Наполеонъ III, который до послѣдней войны въ Италіи въ военныхъ дѣйствіяхъ также не участвовалъ, но которому, вслѣдствіе подвиговъ, совершенныхъ французскою арміею, отказать въ такой способности едва ли кто рѣшится!

Переходя къ пользѣ, могущей произойти отъ печатнаго обличенія зла, авторъ указываетъ на Росселя, бывшаго въ Крыму корреспондентомъ газеты «Times», и сознаетъ, что письма и статьи его принесли пользу англійской арміи. Но если статьи Росселя, человѣка дѣйствительно *невоеннаго*, могли быть полезными, то почему же не допустить, что и у насъ подобныя статьи, если онѣ пишутся лицами невоенными, но даровитыми, не могутъ принести такой же пользы? Г. Циммерманъ говорить, что Россель имѣлъ успѣхъ потому, что «не увлекался ни чувствомъ военнаго честолюбія и желаніемъ сдѣлать карьеру въ военной службѣ, ни чувствомъ соперничества къ другимъ военнымъ». Кто же у насъ въ Россіи писалъ для полученія чина или

изъ зависти къ другимъ военнымъ? Мы не видимъ достаточныхъ оснований раздѣлять мысль автора. Да и къ чему доискиваться причинъ, побуждающихъ кого нибудь опубликовать свой трудъ? Намъ кажется, что справедливѣе было бы допустить, что чувства, заставившія нашихъ писателей возставать противъ злоупотребленій, были совершенно одинаковы съ чувствами Росселя. Въѣдъ доброе мнѣніе, извѣстность, общее вниманіе, заслуженное какимъ нибудь лицомъ, какъ человѣкомъ мыслящимъ, понимающимъ дѣло, трудящимся для общаго блага, также могутъ составить предметы честолюбія, и еще болѣе трудно достижимые, но за то и болѣе блистательные, а такое честолюбіе не только не предосудительно, но напротивъ надобно желать, чтобы каждый занимающійся литературой къ нему стремился. Развѣ авторъ настоящей своей статьи отказывается отъ подобной карьеры и не имѣетъ въ виду возбудить къ себѣ сочувствіе?— Еще болѣе поражаетъ насъ выраженіе «Замѣтокъ», въ которыхъ авторъ жалуется на какіе то недобросовѣстные рассказы, которые, какъ онъ говоритъ, происходятъ иногда «отъ нечистыхъ побужденій». Такія обвиненія можно высказывать имѣя самыя непреложныя доказательства. Безъ нихъ, подобныя предположенія,—употребимъ собственныя слова автора,—составляютъ *диффамацию* всѣхъ трудящихся на литературномъ поприщѣ, военные ли они или нѣтъ.

На стр. 394 и 395 у автора встрѣчаются слѣдующія разсужденія: «Главная цѣль этого обличенія (*) была прекратить разстройство арміи въ Крыму, усилить ее, а не одно лишь поношеніе, стремленіе предать осмѣянію и поруганію Англичанъ, находившихся въ Крыму.... Честный Джонопъ Буль огорчился, узнавъ о несчастіи своихъ въ Крыму, сталъ сердиться, кричать, бранить министровъ, но не радовался тайно бѣдствіямъ своей арміи, а искренно, не лицемерно скорбѣлъ о томъ». Изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, будто у насъ кто-то стремился *предать осмѣянію и поруганію* русскія войска, находившіяся въ Крыму, «радовался тайно» бѣдствіямъ нашей арміи. Но подобная мысль слишкомъ странна и слишкомъ не согласна съ патріотизмомъ Русскаго народа, столь блистательно высказавшимся между всѣми словесіями въ годину испытаній, и мы предпочитаемъ думать, что авторъ не хотѣлъ сказать того, что сказалъ. Если слова эти вы-

(*) Газеты «Times» и ея корреспондента въ Крыму.

сказаны съ сознаниемъ, въ такомъ случаѣ нельзя не возразить, что подобную идею также грустно встрѣчать, какъ и вообще всякую обидную, явную несправедливость, лежащую чернымъ пятномъ на все общество.

Наконецъ мы обратимъ вниманіе на отвѣтъ автора на давно извѣстную общую идею, что «человѣкъ долженъ быть сперва гражданиномъ, а потомъ военнымъ». На это г. Циммерманъ отвѣчаетъ: «пожалуй, и такъ» (стр. 396). Не слишкомъ ли это наивно для нашего XIX вѣка?

Много бы можно было привести подобныхъ сужденій изъ статьи г. Циммермана, но мы полагаемъ, что и тѣ, которыя указаны, достаточны для подтвержденія нашего убѣжденія, что несмотря на нѣкоторыя достоинства статьи г. Циммермана и ея весьма живое и занимательное изложеніе, въ «Замѣткахъ» встрѣчается много сужденій и взглядовъ, до того странныхъ, что противъ нихъ не только можно, но и должно возражать.

А. ОРДА.